

БАСНИ И СКАЗКИ

И. И. ХЕМНИЦЕРА

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Шестое Издание

*вновь исправленное, съ описаніемъ его
жизни, искусно гравированнымъ пор-
третомъ, картинами и виньетами.*

*Жилъ гостно, цылой вѣкъ трудился,
И умеръ самъ, какъ галъ родился И. Х. рѣ.*

МОСКВА

*въ Типографіи Н. Степанова
при Императорскихъ Меатрѣхъ.*

1830.

61-107978

Милостивая Государыня

Лишь только я успѣлъ сказать:
Ну, басенки мои и сказочки! прощайте,
Васъ шребуюшъ, и мнѣ васъ больше не держашъ;
Сступайше.

Пріятелямъ моимъ привыкъ я угождашъ:
Они меня о помъ не разъ уже просили,
Чшобъ напечашашъ васъ опдашъ.
Всѣ басни съ сказками ко мнѣ тушъ приспу-
пили,

И каждая принявъ и голосъ свой и видъ,
Сшарикъ мнѣ первой говоришъ:
Помилуй, что ты запѣваешъ,
Чшо ты безъ всякой насъ защиты оппускаешъ!
Ужъ ли ты для шого на свѣлъ насъ жишъ пу-
спилъ,

И насъ дѣщей своихъ делѣялъ и училъ,
Чшобъ мы на произволь судьбы шеперь ошпа-
лись

И безъ прибѣжища скипались?
Не самъ ли ты черезъ меня сказалъ,
Что въ море бы однимъ ребятамъ не пу-
скашься?

А ты шеперь и самъ что дѣлаешь съ нами спалъ!

Бѣднякъ пошь къ рѣчи шупъ приспалъ:
А я куда гожусь? какъ въ свѣшь мнѣ показаться?
Ты знаешь, башюшка! довольно, свѣшь каковъ:
Какое множество развратныхъ въ немъ умовъ.
Ты знаешь сколько въ немъ на правду негоду-
юшь,

И какъ порочные умы объ ней полкуютъ;
А ты вѣдь, башюшка! когда насъ воспичалъ,

»Ну, дѣши! правдою живише,

»И правду говорише«

Всегда намъ полковалъ.

Такъ ты насъ подъ ея защитой оппускаешь!

Помилуй, развѣ ты не знаешь

Какой по бѣдности моей мнѣ былъ пріёмъ
Въ бесѣдѣ передъ богачомъ?
Чего же добраго шеперь мнѣ дожидаться,
Когда мнѣ въ свѣшъ еще и съ правдой пока-
заться?
Нѣшъ, ежели ты въ свѣшъ задумалъ насъ пу-
сшить,
Опдай Д..... насъ въ покровъ и защищенье.
Тогда хошь мы опъ злыхъ услышимъ поношенье
Чшо спанемъ правду говоришь,
Но въ ней не гнѣвъ найдемъ, увидимъ снисхож-
денье.

Ея одно въ шемъ упѣшенье,
Одинъ законъ, одно ученье,
Чшобъ правду слышашъ и любишь.
Она опъ клеветы насъ иногда избавишь,
А именемъ своимъ себя и насъ прославишь,
И нашихъ недруговъ засшавишь

Можешь бышь

Еще насъ и любишь:

Хоть правда въ свѣтѣ не шерпима,
Но изъ прекрасныхъ усшь все можешь бышь лю-
бима.

»Какъ? Ей представишь васъ? что вы съ ума
сошли?»

Подишежь прочъ, пошли, пошли.« —

Сперьва шаки какъ ладъ просили, все просили ;
Но вдругъ какъ подняли и вой

И плачь такой:

Ой, башюшка! постшой, постшой.

Ой, что задумалъ шы надъ нашей головой? —
Тушь всѣ они свои заслуги прошвердили.

Безъ череды и чередой:

Иная басня шущъ медвѣдемъ заплясала!

Другая шущъ свиньей визжала.

Медвѣдь сказалъ:

Что, развѣ ты забылъ какъ въ баснѣ я плясалъ?

Свинья свое напоминала,

И съ прочими шудажъ швердишь:

Припомни какъ меня въ девяшой баснѣ били,

Гоняли, мучили, тузили.

Слоны съ коровой присшупнули—

Корова говоритъ:

Что, развѣ даромъ я подъ сѣдокомъ спрадала,

За лошадь службу опправляла,

И не въ попадь шупала;

А что я не скакала,

Такъ я не виновата въ шомъ,

Что не родилася конёмъ.

Слоны свое шупъ полковали:

Да мы чѣмъ виноваты спали,

Что новой ты совѣшь зашѣявъ учредишь,

И съ нами

Слонами

Скоповъ съ предлинными ушами
За красное сукно изволилъ посадить.
Иль наши всѣ шруды пропали;
Такъ изъ чегожъ бы намъ служишь?
И уши крикомъ мнѣ и воємъ прожужжали.
Другіе было всѣ шуда-жъ еще приспали:
Но, я чѣшобъ какъ нибудь скорѣй ихъ съ шеи
сжишь,
Спаль гнашь ихъ опъ себя, кричашъ на нихъ,
бранишь :
Поди, уродлива станица! општупись.
Они, Сударыня! и пуще привяжися.
Я имъ въ разсудокъ говоришь:
Да какъ уродовъ васъ Д..... мнѣ предспа-
вишь?
Иль вкусъ и красоту Ея мнѣ оскорбишь,
И-самому себя предъ Нею обезславишь?—
Ну, къ спаши ли! они никакъ не опспавашъ:

Спомянь на помъ, чшобъ Вамъ въ защипу ихъ
ошдашь.

Хошя бы, говоряшь: мы Ей не показались,
Такъ мы бы именемъ Ея покрасовались.

Я все не смѣлъ имъ обѣщать,
Какъ вздорная меня спаница ни просила:
Но вдругъ гдѣ ни взялась, жена шущь прислу-
шила,

Котору въ сказкѣ я десятой описалъ.

Тущь я, Сударыня! что дѣлашь ужь не зналъ:

И чшобъ скорѣй съ ней разоишисься,

Я былъ ужь принужденъ рѣшисься.

Да, да; я ей сказалъ:

Такъ шочно, знаю, знаю;

Подите шолько прочь, я все вамъ обѣщаю....

Давъ слово, долженъ я здержашь.

Не надобно бы шакъ нескромно обѣщать;

Но силу кропосши и власшь разсудка зная,

И вздорную лишь пѣмъ исправитъ уповая,
Подумаль я: ну, чшожь! пусть будешь и она
На путь прямой обращена;
Не первая по будешь злая
Обезоружена
Жена....

Пожалуйше ее, Сударыня! исправьте ;
А мнѣ просшите слогъ проспой,
И счастье пѣмъ мое сославьте,
Позвольше, чшобъ Вамъ быть покорнѣйшимъ
слугой.

Иванъ Хемницеръ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Части, Стран.
Жизнь сочинителя	I —
Посвященіе М. А Д.	I —

Б А С Н И И С К А З К И.

Баронъ (изъ Геллерта)	I — 26
Благодѣяніе (изъ Геллерта)	II — 40
Богачъ и Бѣднякъ	I — 42
Буквы	III — 33
Вдова	III — 23
Великанъ и Карлики	II — 3
Воинъ	II — 48
Волчье разсужденіе	II — 4
Воля и Неволья (изъ Лафонтена)	II — 43
Гадашель	I — 9
Два Богача	II — 36
Два Купца	II — 32
Два Сосѣда	I — 11
Два Семейства	I — 18
Дворовая Собака	II — 1
Дерево	I — 4
Діонисій и Министръ его	II — 34
Домовой (изъ Геллерта)	II — 15

	Части. Строч.
Домъ	III — 19
Друзья	II — 20
Дуракъ и Тѣнь	III — 41
Дѣлежь Львиной (<i>изъ Лафонтена</i>)	II — 41
Желаніе Кащей	II — 5
Западня и Пшичка	II — 24
Заслуженной Конь	II — 22
Зеленой Осель (<i>изъ Геллерта</i>)	II — 23
Ихъвнѣ и Ссора	III — 32
Кашей (<i>изъ Геллерта</i>)	I — 45
Конь верховой (<i>изъ Геллерта</i>)	I — 44
Конь и Осель (<i>изъ Геллерта</i>)	I — 3
Бресльяннинъ съ ношею	I — 46
Буры и Голубка	III — 5
Левъ свашъ	III — 47
Левъ учредившій Совѣшъ	I — 45
Лжець	I — 24
Лисица и Сорока (<i>изъ Геллерта</i>)	III — 9
Лошадь съ возомъ	II — 52
Лошадь и Осель (<i>изъ Лафонтена</i>)	II — 26
Лѣнныя и решивыя Конн	III — 4
Лѣспница	II — 39
Мальчикъ и Пшичька	II — 14
Медвѣдь плясунъ (<i>изъ Геллерта</i>)	I — 29
Мешафизикъ	III — 37
Мужикъ и Корова	I — 20

	Части.	Стран.
Муравей и Зерно	III	— 3
Невъжество и Скупость	III	— 6
Обозъ	I	— 44
Оплошалая Лисица	II	— 13
Орлы (<i>изъ Дората</i>)	I	— 31
Осель невѣжа	I	— 38
Осель приглашенный на охошу	II	— 50
Осель въ уборѣ	III	— 14
Отецъ и Сынъ его	I	— 8
Паукъ и Мухи	II	— 6
Перепелка и Крестьянинъ (<i>изъ Ла- фонтена</i>)	III	— 25
Поборъ Львиной	III	— 28
Попугай	II	— 53
Праздникъ деревенской	III	— 48
Привиллегія	III	— 35
Привязанная Собака	II	— 8
Пчела и Курица (<i>изъ Геллерта</i>)	III	— 24
Ребята своевольные	I	— 36
Скворецъ и Кукушка (<i>изъ Геллерта</i>)	I	— 6
Слѣпцы	II	— 18
Слѣпой Левъ	III	— 7
Совѣшь Сшарика	I	— 20
Собака и Мухи	III	— 40
Соловей и Вороны	II	— 11
Соловей и Чижъ (<i>изъ Геллерта</i>)	II	— 25

	Части, Стран.
Спадникъ	II — 47
Сшатуя	III — 31
Спроншель	I — 7
Стреказа (<i>изъ Лафонтена</i>)	II — 31
Стрѣлка часовая (<i>изъ Ножана</i>)	III — 12
Стряпчій и Воры (<i>изъ Геллерта</i>)	II — 29
Счастливыи Мужъ (<i>изъ Геллерта</i>)	I — 39
Счастливое Супружество (<i>изъ Геллерта</i>)	II — 27
Тѣнь Мужа и Харонъ	I — 13
Умирающій Опець (<i>изъ Геллерта</i>)	I — 4
Услуга	III — 16
Усмирительный способъ (<i>изъ Геллерта</i>)	I — 34
Хитрецъ (<i>изъ Геллерта</i>)	II — 9
Хозяинъ и Мыши (<i>изъ Вольтера</i>)	I — 22
Черви	II — 7
Чужая бѣда	III — 30

Чужія Басни.

Львиной Указъ	III — 42
Мармышка обойденная при произво- жденіи	III — 43

Ж И З Н Ъ

С О Ч И Н И Т Е Л Я .

Читая сочиненія Ивана Ивановича Хемницера, и судя по чистотѣ слога по прямому Русскому нарѣчію, по карпинамъ, часто изъ обычаевъ проспаго народа взятымъ, никому конечно не придетъ на умъ, что онъ рожденъ былъ опъ чужеспранцовъ. его, выѣхавшій изъ Саксоніи, провель Опець всю жизнь свою въ нашей службѣ, и наконецъ былъ надзирапелемъ Санктпетербургскаго сухопущнаго госпиталя. Онъ сдѣлался извѣспнымъ, какъ знаніями въ лѣчебной наукѣ, такъ доброшою души и отличнымъ безкорыспіемъ: ибо, находясь

II

около 50 лѣтъ въ различныхъ должностяхъ, не имѣлъ онъ къ пропитанію себя въ дряхлой старости ничего, кромѣ жалованья, и женъ своей оставилъ совершенную нищету. Сии добрые родители, имѣя съ двумя дочерьми одного только сына, испощили всѣ способы къ доставленію ему хорошаго воспитанія. Иванъ Ивановичъ родился въ 1744 году, и отъ природы одаренный отъ природы оспрымъ пониманіемъ и памятью, преуспѣлъ онъ скоро въ языкахъ и наукахъ, въ общепіи необходимыхъ. Рожденный съ добрымъ сердцемъ, легко заимствовалъ онъ отъ родителей своихъ коренныя добродѣтели, наипаче: просердечіе, воздержность, безкорыстіе и горячность въ дружбѣ; а наконецъ, съ такими расположеніями пущенный въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ на свою волю въ свѣтъ, копораго опасности живо ему изображаемы были, изосприлъ онъ всегдашнею отпорожностію наблю-

дапельный умъ, причины и дѣйствія вещей испытующій, которому обязаны мы большею частію басенъ и сказокъ его, одной токмо природѣ подражающихъ.

Когда Хемницеръ пришелъ въ юношескія лѣта, то отецъ его желалъ, чшобы онъ, по примѣру его, посвятилъ себя врачебной наукѣ. — Хотя же способность молодого человѣка и обнаруживалась успѣхами въ умозрительныхъ сей науки свѣдѣніяхъ; но какъ не могъ онъ преодолѣвъ врожденнаго отвращенія къ анапомическимъ опытамъ, то отецъ его принужденъ былъ записать его въ военную службу. И такъ въ 1757 году, имѣя только 13 лѣтъ отъ роду, началъ онъ служить съ уншеръ-офицерскихъ чиновъ; былъ въ Прусскихъ и Турецкихъ походахъ; но увидя, какъ самъ часно сказывалъ, что изъ анапомической залы попалъ онъ на обширный хирургическій театръ, пере-

VI

шелъ въ 1769 году изъ Поручиковъ въ Гипшенъ-Фервалшеры при Горномъ Кадетскомъ Корпусъ. А какъ во всѣхъ званіяхъ старался онъ исполнять долгъ свой со всевозможнымъ раченіемъ и прилѣжностію, то скоро и здѣсь снискалъ довѣренность и любовь своихъ начальниковъ. Въ 1776 году имѣлъ случай соповариществовать въ чужіе края одному изъ своихъ благодѣтелей. Провѣзжая Нѣмецкую землю, находилъ вездѣ шрудобивыхъ пчелъ; въ Голландіи видѣлъ только деньги и движущіея сундуки; во Франціи... неспарѣющуюся легкомысленность. По возвращеніи въ опечесство, прилѣпился онъ съ большею ревностію къ словесности Россійской. Въ 1778 году издалъ первыя свои Бани; а черезъ три года попомъ, въ другомъ изданіи, прибавилъ къ онымъ вшорую часшь. — Въ 1781 году, когда одинъ изъ главныхъ начальниковъ и благодѣтелей его оставилъ службу,

пошелъ и онъ Коллежскимъ Совѣшникомъ въ опсравку. Но какъ кромѣ жалованья ничего къ пропитанію своему не имѣлъ, то принужденъ былъ опредѣлился Генеральнымъ Консуломъ въ Смирну. Выгоды, копорыя доставляло сіе мѣсто, подавали ему надежду, что въ печеніи нѣсколькихъ лѣтъ можешъ онъ приобрѣсть умѣренной досташокъ и обезпечить независимость свою. — Опъѣзжая, прощался онъ съ друзьями своими такъ, какъ будто бы предчувствовалъ, что не увидитъ ихъ больше.— Въ Септябрь 1782 года прибылъ онъ въ Смирну. Можешъ спашься перемѣщеніе изъ холоднаго Сѣвера на знойный Югъ, спало причиною расспройки въ его здоровьѣ; но безъ сомнѣнія главнѣйшею шому виною было удаленіе опъ друзей, копорыхъ общество сдѣлалось испинною его стихіею. Погруженный въ уныніе, долго боролся онъ съ болѣзнями и смершью; но напоследокъ испоща силы,

VI

скончался 1784 года Марта въ 20 день.

Теперь извѣстны чинашелямъ скромныя произшесствія его жизни. — Нравъ и образъ мыслей во всемъ соопшвѣпшвовали онымъ, съ шюю пришомъ спранноспію, что онъ совершенно сходспвовалъ ими съ Лафоншеномъ, любимымъ въ басняхъ руководшелемъ его и примѣромъ: шю же добродушіе, ша же слѣпая увѣренность въ друзьяхъ, нераспоропность и всегдашняя разсѣянность мыслей. — Въ Парижѣ, напримѣръ, во время предспавленія трагедіи Танкреда, когда Лекенъ показался, шю пораженный величеспвенною осанкою его, онъ вспалъ, поклонился, и шюгда шюлько примѣшилъ спранность поступка своего, какъ весь паршеръ захохошалъ.

Нѣкто изъ благодѣшелей его, къ которому имѣлъ онъ великое уваженіе, рассказывалъ ему по ушпру одно любопытное произшесствіе. При концѣ

обѣда пришло оно сочинителю на мысль, который, забывъ о прошедшемъ, спалъ за ново рассказывать повѣсть сію тому самому, отъ кого оную слышалъ. Нѣкто изъ его друзей далъ ему это примѣпипь: онъ встревожился, и въ порошливости вмѣсто плашка положи въ карманъ салфетку, лишь вспали изъ-за сполы, бросился бѣжать вонъ. Другъ желаетъ остановить его, но бесполезно. *Ты вѣрно меня въ дурачество вводишь*, говорилъ онъ ему съ сердцемъ: *если бы ты сегодня не привезъ меня сюда, тобъ я не сдѣлалъ этой глупости.* — Другъ старается предсказать ему, что онъ еще большую дѣлаетъ непристойность; но онъ ничего не слушалъ и бѣжалъ вонъ. — Тогда вдогонку совѣпывалъ ему другъ его, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ не уносилъ бѣлья чужаго. — Слова сія заставили его опомниться

VIII

на улицѣ: онъ хвашился за карманъ, вынулъ салфетку, и развернувъ ее, споялъ въ недоумѣніи и спрахѣ, чшобъ впрямъ не бытъ приличену въ воровспвѣ.—Хохопъ хозяина и всѣхъ госпей, споявшихъ на балконѣ, вывелъ его наконецъ изъ сомнѣніа. Сердце его прошло; онъ возврапился, и самъ помогаль пріаателямъ своимъ смѣяшсь надъ собою.

Сіа чершы могутъ дать чипаателямъ нѣкопоре понятие о спранноспяхъ его и о всегдашнемъ разсвѣніи мыслей, пропиворѣчушемъ шонкой замѣчательности, во многихъ басняхъ обнаруженной. Больше распроспраняшсь о немъ повѣспію, скромность дружеспву не позволяеспъ: опасаясь, чшобы пріаашное о немъ воспоминаніе не показалось чипаателямъ скучнымъ и вниманіе ихъ недоспойнымъ.

О достоинспвѣ вообще сихъ басень и сказокъ, въ сравненіи съ сочиненіаи такопго же рода, нѣшъ нужды

говоришь: ибо перо, дружествомъ водимое, можешь показаться пристраснымъ, и чашапели одни только имѣють право судить о цѣнѣ и о преимуществѣ словесныхъ твореній.

БАСНИ И СКАЗКИ.

I.

Д Е Р Е В О.

Сстояло дерево въ долинь
И на судьбу свою пеняя, говоришь:
За чѣмъ оно не на вершинѣ
Какой нибудь горы спойшь,
И пожь да по же все Зевесу докучаешь.
Зевесь, кошорой всѣмъ на свѣшѣ управляешь,
Неудовольствіе ошъ дерева внимаешь,

И говоришь ему:
Добро, переменю швое я сосоянъе
Ко угожденью швоему.
И далъ Вулкану приказанъе
Долину въ гору премѣнишь;
И шакъ подъ деревомъ горою мѣсно спало.
Довольнымъ дерево тогда казалось бышь,
Чшо на горѣ стояло.

Вдругъ на лѣса Зевесь за чшо-шо гнѣвенъ спалъ,
И въ гнѣвѣ приказалъ
Всѣмъ вѣпрамъ на лѣса пустишься.
Ужь дѣйствуешь свирѣлыхъ вѣпровъ власть,
Колеблюшся лѣса, листы сполпомъ крушашся,
Деревья ломяшся, валяшся,
Все чувспвуешь свою погибель и напашъ;

И дерево шеперь, споявши на вершинѣ,
Трепещешь о своей судьбинѣ;
Счастливы, говоришь:
Деревья, что споятъ въ долинѣ!
Ихъ буря столько не вредитъ.
И только это лишь сказало,
Изъ корня вырванно упало.

Мнѣ кажешся легко изъ басни сей понять,
Что страшно иногда на высотѣ споятъ.

II.

КОНЬ и ОСЕЛЬ.

Конь всадникомъ гордясъ,
И выступкой храбрясъ,
Рѣзвился,
И какъ-то осшупился.

На ту бѣду Осель случился,
И говоришь Коню: ну, если бы со мной
Грѣхъ сдѣлался шакой!
Я ходя цѣлой день ни разу не спощкнулся;
Да полно я и берегуся. —
Тебѣ ли говорить!

Конь отвѣчалъ Ослу: и ты шудажъ несешься!
Твоею выступкой ходить,
И вѣкъ не спощкнешься.

III.

УМИРАЮЩІЙ ОТЕЦЪ.

Жиль былъ отецъ,
И были у него два сына:
Одинъ сынъ былъ уменъ, другой сынъ былъ
глупецъ.

Ощова наспашь кончина,

И видя свой конецъ,

Отецъ

Тревожншя, скучашь,

Чшо сына умнаго на свѣшъ покидаешъ.

И говоришь ему: ахъ, сынъ любезной мой!

Съ какой

Тоской

Я распахюсь съ побой.

Чшо умнымъ я тебя на свѣшъ покидаю,

И какъ ты проживешъ не знаю.

Послушай, продолжалъ: тебя я одного

Наслѣдникомъ всего

Имѣнья оспавляю,

А брата твоего

Я ошъ наслѣдства опрѣшаю:

Оно не нужно для него.

Сынъ усомнился и не знаетъ

Какъ рѣчь ощову разсудишь.

Но наконецъ оному о братѣ представляешь:

А брату чѣмъ же живь,

Когда мнѣ одному въ наслѣдство

Съ его обидою имѣнье получишь?

О братѣ нѣчего, сказалъ отецъ, шужишь;

Дуракъ ужъ вѣрно сыщешь средства

Счастливымъ въ свѣстѣ бышь.

IV.

СКВОРЕЦЪ и КУКУШКА.

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣшкѣ онъ сидѣлъ,
На волю улетѣлъ.

Къ нему съ вопросами Кукушка прислупила,
И говорила:

Скажи пожалуй мнѣ, что слышалъ ты объ насъ;
И городу каковъ нашъ голосъ показался?

Я думаю, что вѣдь не разъ
Объ этомъ разговоръ случался.

О Соловьѣ какая рѣчь идешь? —

„На похвалу его и словъ не доспаетъ.“

О Жаворонкѣ чтожь? Кукушка повторяешь.

„Весь городъ и его немало похваляетъ.“

А о Дроздѣ?

„Да хваляшь и его, хотя и не вездѣ.“

Позволишь ли ты мнѣ, Кукушка продолжала:

Тебя еще однимъ вопросомъ упрудишь;

Ибо мнѣ, мой другъ, что слышалъ ты? спросишь.

Весьма-бъ я знаю о томъ желала:

И я таки пѣвала. —

„А про тебя, когда всю истину скажешь,

„Ни гдѣ ни слова не слыхаешь.“

Добро! Кукушка туть сказала:

Такъ спану же я всѣмъ за это зло плашишь,

И о себѣ сама все буду говоришь.

V.

СТРОИТЕЛЬ.

Что можешь начинать шеперь,
 Теперь и начинашь спарайся.
 Лишь настоящему шы вѣрь,
 На завпрее не полагайся.

Постройшь нѣкто домъ желаль,
 И нужные къ тому собирашь припасы спаль;
 И собралъ ужъ не мало.
 Постройшь долго ли? лиха бѣда начало.
 Проходишь день за днемъ, за годомъ годъ идешь;
 А все спроенья нѣтъ:
 Все нашъ спроешель оплагаетъ
 ● Сроенье до другаго дни.
 Внезапно смерть пришла: спроешель оста-
 вляешь
 Припасы лишь одни.

VI.

ОТЕЦЪ и СЫНЪ ЕГО.

Жилъ, былъ отецъ, имѣлъ онъ сына;
 А сынъ его ужъ былъ дѣшина.
 Онъ сыну говоритъ: пора, мой сынъ! пора,
 Для швоего добра
 Тебѣ женишься.

Къ тому же, дитяшко! у насъ одинъ ты сынъ;
 Да и во всей сѣмьѣ оспался ты одинъ.
 Когда не женишься, весь родъ нашъ прекратишься,
 Такъ и для эшаго ты долженъ бы женишься.
 Ужъ я не разъ о томъ говаривалъ съ шобой
 И напрямикъ и спороной,
 А ты мнѣ все въ ошвѣшь другое, да другое;
 Помилуй, что шакое? ●

Я право говоритъ объ эшомъ ужъ усшалъ.
 „Охъ, бапюшка! давно и самъ я разсуждалъ,
 „Что мнѣ пора рѣшишься;
 „И я ужъ радъ женишься,
 „Какъ скоро лишь примѣръ найду,
 „Чтобъ жили мужъ съ женой въ ладу.“

VII.

Г А Д А Т Е Л Ь.

Дѣшина молодой хотѣлъ узнатьь впередь,

Счастливо-ль онъ, иль нѣшь,

На свѣшѣ проживешь?

О чемъ не рѣдкой размышляешь

И любопытствуешь узнашь.

И для шого велѣлъ гадателя призватьь,

И что съ нимъ сбудешь? его онъ вопрошаешь.

Гадатель былъ спарикъ, людей и свѣшъ онъ зналъ.

Дѣшинѣ эшому печально ошвѣчалъ:

Не много жизнь пвоя добра предвозвѣщаешь.

Ты къ счастью, кажешься, на свѣшѣ не рожденъ:

Ты чесень и уменъ.

VIII.

МУЖИКЪ и КОРОВА.

Коня у мужика не спало,
 Такъ онъ корову осѣдлалъ;
 А самъ о помъ не разсуждалъ,
 Чшо говоряшъ сѣдло коровѣ не приспало;
 Но не смошря на шо онъ на корову сѣлъ;
 За шѣмъ, чшо вдалъ пѣшкомъ идиши не захошѣлъ.
 Онъ сѣлъ, корову понукаешъ;
 Корова шолько лишъ подъ сѣдокомъ шагаешъ.
 Сѣдокъ корову погоняешъ;
 Корова выстункой все шою же спупаешъ,
 И шолько лишъ подъ нимъ пыхшишъ.
 Сѣдокъ имѣвъ въ рукахъ не хлыспикъ, а дубину,
 Корову понуждалъ какъ вялую скошину,
 Счишая, чшо она ошъ палки побѣжишъ.
 Корова пуще лишъ пыхшишъ,
 Пошѣешъ и врехшишъ.
 Сѣдокъ удары упрояешъ;
 Корова все шагаешъ,
 А рыси, хошъ убей,
 Такъ нѣшъ у ней.
 Корова наконецъ подъ сѣдокомъ свалилась.
 Не мудрено: скакашъ корова не родилась.
 А пошому и должно знашъ:
 Кшо ползашъ родилсѣ, шому ужъ не дешашъ.

IX.

Д В А С О С Ъ Д А.

Худой миръ лучше доброй ссоры,
 Пословица шаринна говоришь;
 И каждой день намъ шожь примѣрами швердишь:
 Какъ можно не влешашься въ споры;
 А если и дойдеть нечаянно до нихъ,
 Не допуская вдаль, прервашь съ начала ихъ;
 И лучше до суда хожь кой какъ помирисься,
 Чѣмъ дѣло выиграть, и вовсе просудишься,
 Иль спора о грошѣ всѣмъ домошь раззоришься.

На дворъ чужой свинья къ сосѣду забрела;
 А со двора попомъ и въ садъ его зашла.

Въ саду бѣдъ пропасть накушила:
 И гряду цѣлую изрыла.
 Вспревожился весь домъ,
 И въ домъ бѣганье, содомъ.
 Собакъ, собакъ сюда, домашніе кричали.
 Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
 И свинью ну шравишь:
 Швыряшь въ нее, гоняшь и бишь;
 Со всѣхъ споронъ на свинью напустили;
 Полѣньями ее, мешлами, кочергой;
 Топъ шанкою швыркомъ, другой ее ногой.
 Обычай на Руси такой.—
 Тупъ лай собакъ, и визгъ свиной,
 И крикъ людей, и спукъ побой,

Такую кашу заварили,
 Чшобъ и хозяинъ самъ бѣжалъ съ двора долой;
 И люди правлю шѣмъ рѣшили,
 Что свинью наконецъ убили.
 Охотники шѣ люди были!
 Сосѣды въ шажбу межъ собой;
 Непримириная между сосѣдовъ злоба;
 Огнемъ другъ на друга сосѣды дышущъ оба:
 Тощъ просишь на шого за садъ изрышой свой;
 Другой чшо свинью заправили,
 И первой говорилъ:
 Я живъ бышь не хочу, чшобъ ты не заплашилъ,
 Чшо у меня ты садъ изрылъ.
 Другой же говорилъ:
 Я живъ бышь не хочу, чшобъ ты не заплашилъ,
 Чшо свинью у меня мою ты заправилъ.
 Хошь виноваты оба были,
 Но ксшати-ль чшобъ они другъ другу усшупили;
 Нѣшь, мысль ихъ не шуда:
 Во чшобъ ни шсало имъ, хошяшъ искашъ суда.
 И подлинно суда искали,
 Пока всѣ жившшы къ судьямъ перешаскали.
 Не шсало ни кола у испщовъ, ни двора;
 Тогда имъ судьи говорили:
 Мы дѣло ваше ужъ рѣшили;
 Для пользы вашей и добра
 Мирисься вамъ пора.

X.

ТѢНЬ МУЖА и ХАРОНЪ.

Красавицы! ужь ли вы будете сердиться
 За то, что вамъ шеперь хочу я рассказать?
 Видь слава добрыхъ шѣмъ никакъ не уменьшишся,
 Когда однѣхъ худыхъ я спану осуждашь.

А право мочи нѣтъ молчащъ:

Инымъ мужьямъ жишья опъ женъ своихъ не спало;
 А эшакъ поспушашъ вамъ право не присшало.

Жиль мужъ, жила жена,

И наконецъ скончались оба;

Да шолько въ разны времена

Имъ опворились двери гроба:

Жена скончалась напередъ;

Потомъ и мужъ, проживъ не помню сколько лѣтъ,
 Скончался.

Какъ съ свѣшомъ здѣшнимъ онъ разшался,

То къ шей рѣкѣ приходилъ онъ,

Гдѣ перевозитъ шѣхъ Харонъ,

Копоры свѣшъ сей оставляющъ.

А за рѣкою шой, цѣшны увѣряющъ:

Одна дорога въ рай, другая въ адъ ведешъ.

Харонъ шѣнъ мужнюю везешъ,

И какъ черезъ рѣку они перешъжающъ,

Тѣнъ говоритъ: Харонъ! куда моя жена

Тобою перевезена,

Въ рай или въ адъ? „Въ рай.“ Можно-ль спашься?

Меня куда-жъ везешь?“ Туда-жъ гдѣ и она.“

Ой, нѣшъ; шакъ въ адъ меня. Я въ адъ радъ
оспашься;

Чшобъ съ нею вмѣстѣ лишь не жишь.

„Нѣшъ, нѣшъ; мнѣ надъ шобой хопѣлось под-
шупишь:

„Я въ адъ ее опвезъ. Ей ксшапи въ адъ бышь,

„И съ дьяволами жишь и знашься;

„И въ свѣтѣ вѣдь она

„Была прямая сашана!“

XI.

КАЩЕЙ.

Какой-то былъ Кащей и денегъ шму имѣлъ;
 А сказывалъ онъ самъ, что онъ разбогашѣлъ
 Не криводушно поступаая,
 Не грабя и не разоряя.
 Нѣшь, онъ божился въ шомъ,
 Что Богъ ему послалъ шакой доспашокъ въ домъ,
 И что никакъ онъ не боишея
 Противу ближняго въ неправдѣ обличишея.
 А чтобы Господу за милосшь угодишь,
 И къ милосердію и впредь Его склонишь,
 Или чшобъ совѣсшь успокоишь,
 Кащею вздумалось для бѣдныхъ домъ построишь.
 Домъ спроюшь, и почти доспроиан его.
 Кащей мой домъ свой посѣщаешъ;
 Смощря онъ на него,
 Любуешся и разсуждаешъ:
 Какую бѣднымъ онъ услугу показалъ,
 Что имъ приспанище построишь приказалъ!
 Такъ внушренно Кащей мой домошъ веселишся,
 Какъ нѣкто мимо проходишь.
 У незнакомаго съ восторгомъ онъ спросилъ:
 Довольно, кажешся, шупъ бѣдныхъ помѣсшишся?
 „Довольно здѣсь ихъ можешъ жишь;
 „Но всѣхъ хозяину сюда не помѣсшишь,
 „Кощорыхъ по міру заспавилъ онъ ходишь.

XII

КРЕСТЬЯНИНЪ СЪ НОШЕЮ.

Сколь часто служилъ въ пользу намъ,
 Что мы вредомъ себѣ считаемъ!

Сколь часто на судьбу богамъ
 Неправой жалобой скучаемъ!

Сколь часто счастіе несчастіемъ зовемъ,
 И благо истинно, считая зломъ, клянемъ!
 Мы вѣчно умснвуемъ и вѣчно заблуждаемъ.

Крестьянинъ нѣкакой путемъ дорогой шелъ,
 И ношу на плечахъ имѣлъ,

Которая его ужъ такъ ошягошила,
 Что на пути остановила.

Проваль бы эту ношу взялъ,
 Крестьянинъ проворчалъ:

Я эту ношу
 Сброшу,

И налегкѣ безъ ноши я пойду;

Добра я этаго вездѣ, куда приду,

Найду. —

А ноша та была кошель набитой сѣномъ;

Но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ:

Спаль нашъ крестьянинъ въ пень, не знаешь
 что начашъ;

Однако вздумалъ отдыхашъ,

И мыслишь: отдохнувъ не много, поплещуся;
 Авось-либо дойду,
 Хоть съ ношею пойду;
 Бышь такъ, добро, пушуся. —

Пошелъ крестьянинъ въ пушь и ношу взялъ съ
 собой.

А надобно здѣсь знашь, чпо было по зимой,
 Когда лишъ полько рѣки спади,
 И снѣги льда еще не покрывали.

Лежишь крестьянину дорога черезъ ледъ.
 Крестьянинъ ничего не думавши идешь:
 Вдругъ поскользнувшись онъ свалился;
 Однако же упалъ на ношу безъ вреда.

Близка была бѣда!
 Крестьянинъ! вѣрно-бъ ты убился,
 Когда бы ношу взялъ съ собою по. нился.

XIII.

ДВА СѢМЕЙСТВА.

Уже изъ давнихъ лѣтъ замѣчено у всѣхъ:

Гдѣ ладъ, шамъ и успѣхъ;

А отъ раздора все на свѣтѣ погибаетъ.

Я правду эту вновь примѣромъ докажу;

Картины Грѣзовы и сказкой расскажу:

Одна счастливую сѣмью изображаетъ,

Другая же сѣмью несчастну представляетъ. P

Сѣмействомъ счастливымъ представлень мужъ

съ женой,

Плывущія съ дѣтьми на лодочкѣ одной

Такой

Рѣкой,

Гдѣ камней и мѣлей премножество встрѣчали,

Копоры прудности сей жизни представляли.

Согласно мужъ съ женой,

Своею лодкой управляя,

Счастливо къ берегу межъ камнями плывушъ.

Сама любовь въ лицѣ грести имъ пособляя,

Ихъ шажкой облегчаетъ прудъ.

Спокойно въ лодочкѣ ихъ дѣти почиваюшъ.

Покой и счастье дѣшей,

Въ заботной жизни сей

Труды ошцовски награждаюшъ.

Другимъ сѣмействомъ пожь представлень мужъ
съ женой,

Плывущія съ дѣтьми на лодочкѣ одной

Такою же рѣкой,

Гдѣ камней и мѣлей премножество встрѣчаютъ.

Но худо лодка ихъ плывесть;

Съ женой у мужа ладу нѣтъ:

Жена весло свое бросаетъ,

Сидитъ, не хочеть помогать,

Опъ камней лодку удаляетъ.

Любовь лешитъ опъ нихъ и вздорныхъ оста-
вляетъ.

А мужа одного напрасень тяжкій прудъ;

И криво съ ладкою и вкось они плывутъ.

Не дають дѣти ихъ покою,

И другъ друга всякъ кусокъ послѣдній рветъ.

Все хуже между нихъ часъ опъ часу идетъ:

Въ пучину быстриною

Ужъ лодку ихъ несетъ.

XIV.

С О В Ъ Т Ъ С Т А Р И К О В Ъ .

Дѣшина старика какого-то спросилъ:
 Чшобъ знанымъ сдѣлашься, за чшобы мнѣ
 приняшься? —

„По совѣсти признашься,
 Старикъ дѣшинѣ говорилъ:
 Я право самъ не знаю
 Какъ лучше бы тебѣ, дружокъ мой! присудишь;
 И сколько головы надъ этимъ ни ломаю,
 Я шолько два пуши могу тебѣ открышь
 Какъ до чиновъ дойшишь;
 А больше способовъ не знаю.

Будь храбръ, мой другъ! иной
 Прославился войной.
 Все опложивъ тогда спокойство и забаву,
 Трудями находилъ спарался честь и славу;
 И въ самомъ дѣлѣ по сыскалъ,
 Чего сыскашь желалъ.
 Другой же знаніемъ глубокимъ,
 Не родомъ знанымъ и высокимъ,
 Себя на свѣшѣ опличилъ;
 Въ судахъ и при дворѣ, великъ и славенъ былъ.
 Трудями все приобрѣтающъ;
 Но въ шомъ великія лишь души успѣваютьъ.“

— Все это хорошо, дѣлина говорилъ:
Но если мнѣ тебѣ по совѣсти открыться,
Такъ и никакъ не вображалъ,
Чтобъ до чиновъ добиться
Ты столько трудностей мнѣ разныхъ насаждалъ.
Мнѣ кажешся, что ты ужь слишкомъ судишь
строго;
Полегче бы чего не лзя ли присудишь? —

„Ужъ легче нѣтъ того какъ дуракомъ прожить
„А и глупцовъ чиновныхъ много.“

XV.

ХОЗЯИНЪ и МЫШИ.

Двѣ Мыши на одинъ какой-то дворъ попались,
И вмѣстѣ на одномъ дворѣ онѣ живутъ;
Но каждой жительства различныя доспались,
А пошому онѣ и разну жизнь вѣдутъ:

Одна Мышь въ житницу попала,
Другая Мышь въ анбаръ пустой.

Одна въ довольствѣ обитала,
Не видя нужды никакой.

Другая-жь въ бѣдности живешь и все горюешь;
И на судьбину негодуешь.

Съ богатой видится и съ нею говоришь;
Но въ житницу ея попасъ никакъ не можешь,
И шолько шѣмъ однимъ сыща, что рухлядь
гложешь.

Клянешъ свою судьбу, Хозяина бранишь;
И наконецъ къ нему Мышь бѣдна приступила,
Сравнишь ея съ своей подругою просила. —

Хозяинъ дѣло такъ рѣшилъ,
И Мыши говорилъ,

Котора съ жалобой своею приходила:

„Вы обѣ случаемъ сюда на дворъ зашли,
„И шѣмъ же случаемъ и разну жизнь нашли.
„Хозяину мышамъ не сдѣлашь уравниенья.

„И я скажу тебѣ:
„Анбаръ и жишницу построишь я себѣ
„На разное употребленье;
„А до мышей мнѣ нужды нѣтъ,
„Котора гдѣ и какъ живешь.“

XVI.

Л Ж Е Ц Ъ.

Кшо лгашь привыкъ, шомъ лжешь въ бездѣлицѣ
и въ дѣлѣ.

И лжешь душа покуда въ шѣлѣ.
Ложь рай его, блаженство, свѣшъ:
Безъ лжи лгуну и жизни нѣшъ.
Я самъ лжеца шакова

Зналъ,

Которой никогда не выговоришь слова,
Чтобы при шомъ онъ не солгалъ.

Въ то время самое, какъ опышъ здѣсь были,
Что могушь ли въ огнѣ алмазы усшояшь,
Въ бесѣдѣ нѣкакой объ эшомъ говорили;
И всякъ по своему объ нихъ спалъ полковашъ:
Кшо говоришь: въ огнѣ алмазы исчезаюшь,
Что въ самомъ дѣлѣ было такъ.

Иные повшоряюшь:

Изъ нихъ, какъ изъ спекла, что хочешъ выли-
ваюшь.

И такъ

И сякъ

Объ нихъ швердяшъ и разсуждаюшь:
Но что послѣднее не правда, знаешъ всякъ,
Кшо Химія хопя лишъ нѣсколько училъ.
Лжець шомъ, котораго я выше описалъ,
Не вышерпѣлъ и шупъ солгалъ;

Да, говоришь: да такъ; я самъ при томъ случился;
(Лишь только что не побоялся)

Какъ способъ пошъ нашелъ,

И до того алмазъ искусствомъ довели,
Что какъ стекло его теперь ужъ плавиль стали;
А едакой алмазъ мнѣ самому казали,
Которой слишкомъ въ фунтъ изъ мѣлкихъ былъ
спопленъ. —

Одинъ въ бесѣдѣ той казался удивленъ,
И ложъ безсмыдную съ шерпѣнѣемъ внимаешь,
Плечами только пожимаетъ,
Принявши на себя пошъ видъ,
Что будно ложъ его онъ правдою считаешь.
Спусти дней нѣсколько лжецу онъ говоришь:
„Какъ бишь великъ алмазъ тебѣ тогда казали,
Которой сплавили? я право позабылъ.

Въ фунтъ, кажешся, ты говорилъ?“ —
Такъ точно въ фунтъ — лжецъ подтвердилъ.
„О, это ничего; теперь ужъ плавиль стали
„Алмазы въсомъ въ цѣлой пудъ;
„А фунтовымъ алмазамъ шупъ
„И счепъ ужъ пошеряли.“ —

Лжецъ видишь, что за ложъ хопяпъ ему плашишь,
Ужъ вѣсу не посмѣлъ прибавишь,
И лжей алмазъ побольше сплавишь;
Сказалъ: ну, такъ и бишь;
Фунтъ пуду долженъ уступишь.

XVII.

Б А Р О Н Ъ.

Жиль, былъ скупой богачъ, и у него одинъ
 Былъ сынъ.

Опець его скончался;
 Наслѣдства миліонъ молодчику достался;
 И захопѣлъ сынокъ, имѣвши миліонъ,
 Барономъ сдѣлался, и сдѣлался Баронъ.
 Баронство куплено; шеперь задумалъ онъ
 Быть сверхъ того еще и знатнымъ господиномъ,
 И слышь Барономъ съ чиномъ.

Хошь знатныхъ онъ людей достоинствъ не имѣлъ,
 Но все собирался и хопѣлъ
 Министромъ бытъ при Кабинетѣ,
 Чшобъ въ царскомъ засѣданъ Совѣтѣ,
 Иль славнымъ Полководцемъ бытъ.
 Баронъ! достоинства за деньги не купишь. —
 Но все Баронъ, не могъ рѣшишься
 Къ чему бы лучше прилѣпиться,
 Гдѣбъ больше чести доступишь:
 Въ Министры-ль добиваешься,
 Иль въ Полководцы попышаешься?

И шагъ въ намѣренъяхъ однихъ живешь Баронъ;
 А все достоинство Барона миліонъ.
 Онъ удивленъе былъ народовъ,
 Толпою гайдуковъ своихъ и скороходовъ.

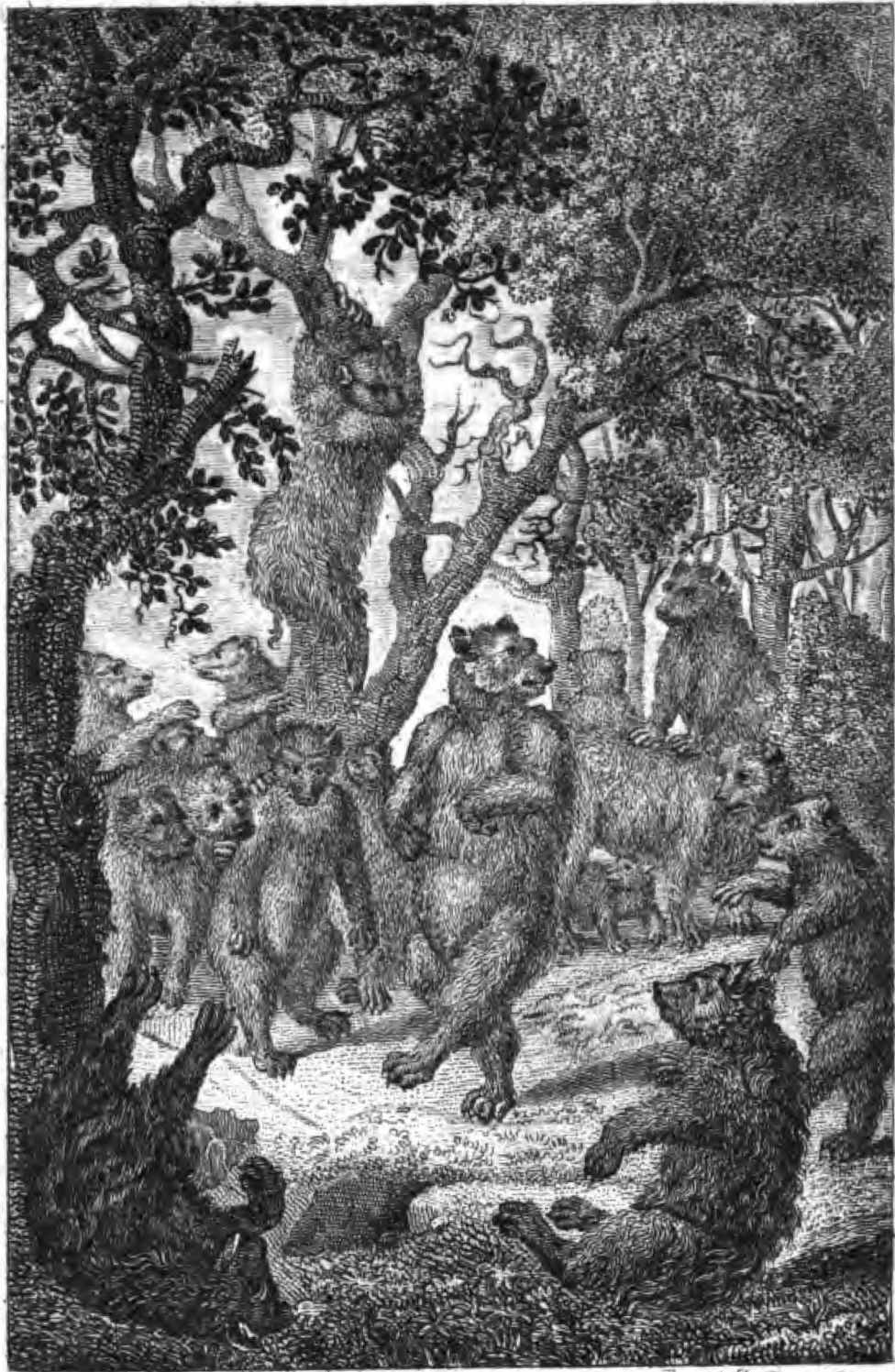
Доходами его почти весь городъ жилъ.
 Онъ въ золото себя и слугъ всѣхъ обложилъ;
 И ежели когда въ каретѣ проѣзжался,
 То больше лошадей своихъ онъ величался.
 Льстецамъ онъ покровишель былъ;
 И ревностно тому служилъ,
 Кто ползая предъ нимъ его о чемъ просилъ;
 А кто поступки всѣ и вкусъ его хвалилъ,
 Талантами его безстыдно восхищался,
 Тотъ вѣрно помѣщенъ въ число друзей шѣхъ былъ,
 Которые на счетъ Барона ѣли, пили,
 Смѣясь, въ глаза его хвалили;
 И въ пошъ же самой часъ мѣшки его сечили,
 Какъ увѣрили всѣ его,
 Чшо прошивъ глазъ такихъ, какіе у него,
 И Аргусовы ничего.

 На долго-ль моту миліона?
 Ему другаго нѣтъ закона,
 Какъ полько чтобъ по волѣ жить,
 Своимъ богатствомъ величашься,
 Спрашямъ и прихошамъ служишь.

Баронъ нашъ переспалъ ужъ больше добивашься
 Министромъ, Полководцемъ бышь;
 И полько къ роскоши развратной прилѣнился:
 Пилъ, ѣлъ и веселился.
 А какъ весь миліонъ Бароновъ ишоцился,
 То спалъ опять Баронъ
 Ничшо, какъ былъ и прежде онъ.

Безъ денегъ онъ ошъ всѣхъ оставленъ очутился;
И доказалъ своимъ жншьемъ
Баронъ нашъ правду эшу всѣмъ,
Что дѣламъ только зла родинели желаютъ,
Когда лишь имъ одно богатство оставляютъ:
Богатство пагуба и вредъ
Тому, въ комъ воспитанъ нѣтъ.

Грив. А. Петров.

XVIII.

МЕДВѢДЬ ПЛАСУНЪ.

Плясать Медвѣдя научили,
 И долго на цѣли водили;
 Однако какъ-то онъ ушелъ,
 И въ родину назадъ пришелъ.
 Медвѣди земляка лишь только что узнали,
 Всѣмъ полѣсу объ немъ, что шупъ онъ, промычали;
 И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
 Что всякъ другъ другу говорилъ:
 Вѣдь Мишка къ намъ онышъ явился.
 Откуда кто пущился,
 И къ Мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгушъ.
 Другъ передъ другомъ Мишку шупъ
 Встрѣчаюшъ,
 Поздравляюшъ,
 Цѣлююшъ, обнимаюшъ;
 Не знаюшъ съ радости, что съ Мишкою начашъ,
 Чѣмъ угостишъ и какъ приняшъ.
 Гдѣ! развѣ торжество шакбе,
 Какое
 Ни рассказашъ,
 Ни описашъ!
 И Мишку всѣ кругомъ обшали.
 Потомъ просишъ всѣ Мишку стали,
 Чшобъ похождение онъ свое имъ разказаъ.
 Тушъ все, что только Мишка зналъ,

Разсказывашь имъ спалъ;
И между прочимъ показалъ
Какъ на цѣпи плясалъ.

Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили,
Дивилися, превозносили;
И каждый силу всю свою употреблялъ,
Чтобъ шакже проплясать, какъ и плясунъ
плясалъ.

Однако сколько ни старались,
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,
Не шолько чтобъ плясашь,
Насилу шакъ какъ онъ могли на лапы вспашь.
Иной, шакъ со всѣхъ ногъ шунъ оземлю хвапился,
Когда плясашь было пушился;
А Мишка видя шо
И вдвое умудрился,
И зрительей своихъ пошнавиль всѣхъ въ ничшо.
Тогда на Мишку налушили,
И ненависть и злосшь искусство все зашмили.
На Мишку окрикъ всѣ: „прочь, прочь отсель
сей часъ.

Скошина едака умнѣй бышь хочешъ насъ!“
И всѣ на Мишку нападали,
Нигдѣ проходу не давали;
И шолько Мишку шмали гнашъ,
Что Мишка принушденъ бѣжашъ.

XIX.

О Р Л Ы.

Съ начала всяко дѣло спрого
 И въ спроку шакъ идешъ,
 Что и приступу нѣшъ;
 А шамъ перегоди немного
 Пошло и вкриво все и вкосъ,
 И опъ часу все хуже, хуже;
 Покуда наконецъ хопъ бросъ.
 Не знаю череду ведуть ли люди шу же;
 Но слово въ баснѣ сей
 Про пшиць, не про людей.

Орлы когда-то всѣ рѣшились
 Сосставить общество правленья межъ собой,
 И сдѣлали уставъ такой,
 Чшобъ прочія опъ нихъ всѣ пшицы удалились,
 Какъ недоспойныя съ Орлами вмѣстѣ жишь,
 Судишь,
 Рядишь,
 Или въ дѣла Орловъ входить,
 И словомъ: въ общеспвѣ одномъ съ Орлами бышь.
 И шакъ живушь Орлы храня уставъ свой спрого,
 И никакой изъ пшиць къ Орламъ приступу нѣшъ.
 Прошло, не знаю сколько лѣшъ,
 Однако помнился не много;

Вдругъ изъ Орловъ одинъ свой голосъ подаешь,
 Съ другими разсуждаешь,
 И вошь что предлагаешь:

„Хоть позволенія на шо у насъ и нѣшь,
 Чшобъ съ нами въ обществѣ другія шицы жили,
 Кошоры-бъ не одной породы съ нами были,
 Достоинствъ равныхъ намъ

Орламъ

Опмѣнныхъ не имѣли,
 Лешать по нашему высоко не умѣли,
 На солнце бы сморѣшь не смѣли;
 Но какъ соколій вамъ извѣстенъ всѣмъ полешъ:
 То думаю, что намъ онъ пользу принесешъ.
 Такъ пусть и онъ, при насъ живешъ;
 Мнѣ кажется бѣды шушь нѣшь. —
 И впрямъ, Орлы на шо сказали:

Его полешъ

А сверхъ того одинъ Соколъ куда нейдешъ.
 И Сокола приняшь позволишь приказади.
 Пошомъ, спуспя еще, не знаю сколько лѣшь,
 Ужъ шакже и Соколъ свой голосъ подаешъ:
 Чшо пользы Яспребъ шожъ не мало принесешъ,
 И нужнымъ признаешъ,
 Чшобы Орлы благоволили
 И Яспреба приняшь. —

Но шушь было Орлы сперва поусомнились,
 Хотѣли отказашъ;
 Однако наконецъ рѣшились,
 Чшобъ позволенье дашь

И Яспреба въ ихъ общество приняшь.
 Пошомъ и Яспребъ шожъ Орламъ спалъ пред-
 сшавляшь:

Что нужны пицы тѣ, другія,

Невѣдъ какія,

Чтобъ разну должность опиралять.

Чтожъ? сдѣлакъ приказъ отъ самаго правленья,

Чтобъ пицамъ былъ пріемъ впередъ безъ пред-
савленья,

И вышло наконецъ, что въ общество Орловъ

Ужъ снади принимать и Филиновъ и Совъ.

XX.

УСМИРИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБЪ.

Былъ у отца сынъ Малой молодой,
 Шалунъ и бѣдокуръ такой,
 Хоть голову кому, шакъ радъ сорвашь долой.
 Какая полько гдѣ проказа ни случишся,
 Нашъ Малой завсегда шуть первымъ очутишся.
 Что, говоришь ошець: съ повѣсой мнѣ начашь,
 И чѣмъ его уняшь?
 Однако чтобъ себя слыда и бѣдъ избавишь,
 А въ Маломъ жару поубавишь,
 Онъ способъ съ нимъ еще вопъэшотъ предприля:
 (Какъ машушка на то любезна ни косилась)
 Въ Америку его на сколько-то послалъ.
 Чшожь, чѣмъ поѣздка та рѣшилась?
 Ужь ли смириѣ Малой спалъ? —
 Гдѣ! бѣшеннымъ шакимъ еще и не бывалъ,
 И для шого ошець и дядя посудили,
 Подумали и положили,
 Чшо какъ пупи въ немъ не видашь,
 Тобъ въ службу Малаго военную ошдашь.
 Поплакали, погоревали,
 И наконецъ его въ солдашы записали,
 Чшо въ самомъ дѣлѣ для него
 Казалось шогда полезнѣ всего:
 Хоть межъ военными и всякѣ бываютьъ,

Но палкою они жизнь многихъ научають;

А впрочемъ нужды въ эпомъ нѣтъ,
 Чшо сполькожъ иногда уменъ и шопъ, кшо бьешъ,
 Какъ тѣ, кошорые побои принимають. —
 Однако Малаго и палка не берешъ.

Посылка за опцомъ, чшобъ въ подкъ ему явишься.
 Нѣтъ, говоряшъ: изволь назадъ тѣ сына взяшъ,
 И самъ какъ хочешъ съ нимъ возишься;
 А нашей мочи ужъ не спало больше бишься. —
 И велѣно опцу его назадъ опдашъ.

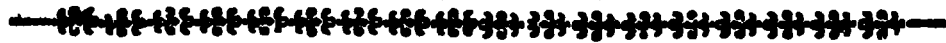
Теперь ужъ опъ него добра не ожидашъ. —
 Но нѣтъ, скорехонько Дѣшину проучили.

Еще и мѣсяцъ не прошель,
 Совсѣмъ Дѣшина присмирѣлъ.

„Да чѣмъ же Малаго шакъ вдругъ переменяли?
 „Ужъ ли въ шюръму опецъ Дѣшину посадилъ?“ —
 Нѣтъ лучше эшаго его онъ проучилъ;

Женилъ.

XXI.

РЕБЯТА СВОЕВОЛЬНЫЕ.

Кто пожилыхъ людей слова пренебрежешь,
И пылкой юности спремленью покорись,
Тотъ часто со вредомъ и поздно вразумись,
Сколь справедливъ людей испытанныхъ совѣсь.

Ребяша у моря со спарикомъ гуляли,
И какъ-то на челнокъ напали,
Въ которой вздумали они и сами сѣсть,
И въ то же старика хопяшь ребята ввезть,
Чшобъ съ ними по морю не много прокашиться.

Но спарику ли согласишься

Съ ребятами шалишь?

Спарикъ и ихъ увѣщаваешь

Охошу эту опложись;

Ребятамъ живо представляешь,

Чшо кончится игра бѣдой.

Ребятамъ нужды нѣшь, хошь голова долой.
Чѣмъ больше убѣждалъ спарикъ ѣзду оставишь,
Тѣмъ больше на своемъ спарался всякъ посша-
вишь;

Спарикъ еще ихъ унимашь:

Эй право, вамъ не сдобровашь;

Челнокъ вамъ на бѣду, повѣрьше мнѣ, я знаю;

Вѣдь вамъ же я добра желаю. —

„Пустое, старичокъ!
 „Что слушаешься его?“ — А сами прыгъ въ
 челнокъ,

И въ море наконецъ изъ виду удалились.

Тиха была вода, когда они пустились;
 Но вдругъ поднялся вихрь, зашумела пучасвѣтъ.
 Челнокъ то въ верхъ, то въ низъ бросаетъ:
 Ребята чшобъ назадъ; но въперъ не пускаетъ.
 Ребята чшобъ спасшсь; но ужъ спасенья нѣтъ;
 Челнокъ вверху дномъ и всѣхъ собою поно-
 пляетъ.

XXII.

ОСЕЛЪ НЕВѢЖА.

На встрѣчу Конь Ослу попался,
Гдѣ путь шѣсненекъ былъ.

Почтенья ошъ Осла Конь эпошъ дожидался,
Хопѣлъ, чтообъ онъ ему дорогу уступилъ.
Однако какъ Осель учтивству не учился,
И былъ шакъ грубъ, какъ грубъ родился,
То прямо на Коня идетъ.

Конь вѣжливо Ослу: не лзя ль посторонисья?

Чшобъ какъ нибудъ намъ разойшишья;

Иль дай пройши мнѣ напередъ. —

Однако же Осель невѣжей выступаешъ,
Коню проходу не даешъ.

Конь видя это, самъ дорогу уступаешъ,
Сказавъ: добро, изволь ты прежде проходишь.
Я не намѣренъ правъ швоихъ уничижишь,
И первенства тебя ослинаго лишишь.

XXIII.

СЧАСТЛИВЫЙ МУЖЪ.

Дѣшина по уши въ красавицу влюбился,
И наконецъ во что ни спало бы, рѣшился
Имѣть ее женой.

Не даромъ ею онъ плѣнился:

Красавицы еще не видано шакой.

Да та бѣда, въ чемъ всякъ я чаю искусился,
Что у красавицъ всѣхъ обычай есть дурной:

Чѣмъ болѣе по нихъ вздыхаюшь,

Тѣмъ болѣе онѣ суровыми бываюшь.

Дѣшина это испышалъ.

Три года по своей красавицѣ вздыхалъ,

Спеналъ, спрадалъ,

Терзался, рвался и крушился;

Однако же не могъ никакъ ее склонить.

Чтожь? съ грусти наконецъ онъ странство-
вашь пустился,

И для красавицы, (что можетъ злѣе быть)!

Въ дорогѣ съ Бѣсомъ подружился;

И на два года согласился

Себя ему закабалишь

Съ шѣмъ, чшобъ его на ней женить.

У Бѣса пошчасъ все съ Дѣшиною рѣшилось:

Рукописанье Бѣсъ береть,

И слово честное даешь;

Вдругъ изъ Орловъ одинъ свой голосъ подаешь,
 Съ другими разсуждаешь,
 И вошь что предлагаешь:

„Хоть позволенія на шо у насъ и нѣшь,
 Чшобъ съ нами въ обществѣ другія птицы жили,
 Кошоры-бъ не одной породы съ нами были,
 Достоинствъ равныхъ намъ

Орламъ

Отмѣнныхъ не имѣли,
 Летать по нашему высоко не умѣли,
 На солнце бы сморѣшь не смѣли;
 Но какъ соколій вамъ извѣстенъ всѣмъ полетъ:
 То думаю, что намъ онъ пользу принесетъ.
 Такъ пусть и онъ при насъ живетъ;
 Мнѣ кажешся бѣды шушь нѣшь. —
 И впрямъ, Орлы на шо сказали:

Его полетъ

А сверхъ того одинъ Соколъ куда нейдетъ.
 И Сокола приняшь позволишь приказали.
 Пошомъ, спустя еще, не знаю сколько лѣтъ,
 Ужъ шакже и Соколъ свой голосъ подаешь:
 Чшо пользы Яспребъ шожъ не мало принесетъ,
 И нужнымъ признаешь,
 Чшобы Орлы благоволили
 И Яспреба приняшь. —

Но шушь было Орлы сперва поусомнились,
 Хопѣли ошказашъ;

Однако наконецъ рѣшились,

Чшобъ позволенье дашь

И Яспреба въ ихъ общество приняшь.
 Пошомъ и Яспребъ шожъ Орламъ спалъ пред-
 сшавляшь:

Что нужны пицы шѣ, другія,
Невѣдь какія,

Чтобъ разну должность опправлять.

Чтожъ? сдѣлался приказъ отъ самаго правленья,
Чтобъ пицамъ былъ пріемъ впередъ безъ пред-
савленья,

И вышло наконецъ, что въ общество Орловъ
Ужъ снали приниматъ и Филиновъ и Совъ.

XXV.

БОГАЦЬ и БѢДНЯКЪ.

Сей свѣшь шаковъ, что вшо богашъ,
 Топъ каждому и другъ и брашъ.
 Хошь не имѣй заслугъ, ни чина,
 Хошь родомъ будь изъ конюховъ,
 Дѣшина будешь какъ дѣшина.
 А бѣдной будь хошь изъ Князей,
 Хошь разумъ ангельской имѣй,
 И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
 Того почшенья не дождеши,
 Какое оно всѣхъ богашымъ опдаешся.

Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
 Онъ знавше, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
 Но Бѣдняка ни кто не шолько что не встрѣшилъ,
 Никто и не примѣшилъ,
 Иль, можешъ быть никшо примѣшишь не хошѣлъ.
 Бѣднякъ нашъ по къ шому, по къ этому под-
 ходишь;
 Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводишь;
 Но каждой Бѣдняку въ отвѣшь:
 - Корощкое, иль да, иль нѣтъ,
 Привѣшшвія ни въ комъ Бѣднякъ нашъ не на-
 ходишь;
 Съ учшившвомъ подойдешъ, а съ горестью
 отходишь.

Пошомъ
За Бѣднякомъ

Богачъ приѣхалъ въ шомъ же домъ.

Хошь ни заслугой, ни умомъ,

Ни чиномъ онъ не ошлчался:

Но шолько въ двери показался,

Сказашъ не лъзя какой приѣмъ!

Всѣ вспали передъ Богачомъ;

Всякъ Богача съ почпеніемъ встрѣчаешъ;

Всякъ спуль и мѣсто устулаешъ;

И подъ руки его берушь;

То шушь,

То шамъ его сажаюшь;

Поклоны чушь ему земные не кладушь,

И мѣры нѣшь какъ величаюшь.

Бѣднякъ людей увидя лешъ,

Къ Богачому неправу чесъ,

Къ себѣ неправое презрѣнье,

Вспунилъ о шомъ съ своимъ сосѣдомъ въ раз-
сужденъе.

За чѣмъ, онъ говоритъ ему:

Досшюиншвамъ, уму,

Богашство свѣшь предпочишаешъ?

„Легке, мой другъ! поняшь:

„Досшюиншва не лъзя заняшь,

„А деньги всякой занимаешъ.“

XXVI.

О Б О З Ъ.

Шель нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ шакой преспрашной возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажущся слоны предъ комарами.
Не возикъ и не возъ, возище шо валишь. —
Но чѣмъ сей баринъ—возъ набишь? —
Пузырями.

XXVII.

ЛЕВЪ, УЧРЕДИВШІЙ СОВѢТЪ.

Левъ учредилъ Совѣтъ какой-то неизвѣстно;
 И посадя въ него сочленами Слоновъ,
 Прибавилъ больше къ нимъ Ословъ.
 Хотя Слонамъ сидѣть съ Ослами и не вмѣстно,
 Но Левъ не могъ того числа Слоновъ набрать,
 Какому надлежало
 Въ Совѣтѣ засѣдать.
 Ну, чтожь? пускай числа всего бы не доспало,
 Въдъ эшобъ не мѣшало
 Дѣла производишь.—
 Нѣтъ, какъ же? а уславъ ужъ ли переступишь?
 Хошь будь Ослы судьи, лишь счешомъ бы ихъ
 спало.
 А сверхъ того, какъ Левъ Совѣтъ сей учреждалъ,
 Онъ эдакъ разсуждалъ,
 И все надеждой льспился,
 Чшо умъ Слоновъ
 На разумъ наведешъ Ословъ.
 Однако какъ Совѣтъ оперылся,
 Дѣла со всѣмъ другимъ порядкомъ пошекли:
 Ослы Слоновъ съ ума свели.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

БАСНИ И СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БАСНИ И СКАЗКИ.

I.

ДВОРОВАЯ СОБАКА.

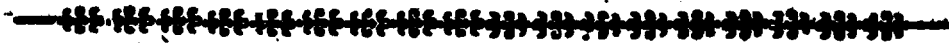
Жила у барина собака на дворѣ,
Въ шакомъ довольствѣ и добрѣ,
Въ какомъ бывало жилъ чернецъ въ монастырѣ.
Всего же болѣ:
Жила на волѣ.
Сосѣдъ какой-то въ домъ ходилъ;
Собаку подлюбилъ;
Да какъ достать ее не знаетъ:
Проситъ хозяина объ ней онъ не хошѣлъ;
Украсть ее—бездѣльствомъ счелъ.
Нѣтъ, надобно, онъ разсуждаетъ:
Честнѣе поступишь,
И поякимъ образомъ собаку шу сманишь.
Бездѣльство поякое бездѣльствомъ не считаешь.
И всякой разъ, когда бывало ни придетъ,
Рѣчь о собакѣ заведешь:
При ней самой ее какъ можно выхваляешь.
Хозяину пеняшь начнешъ,
Что содержанье ей худое:
„Нѣтъ, у меня житье ей былобъ не такое;
„Инаго я куска и самъ бы ѣсть не спалъ,
„Да этой бы собакѣ далъ;

„Всегда бы спать съ собою класть.
 „А у себя она лишь кости подбираешь,
 „И какъ случисься спишь!“
 Все, что сосѣдъ ни говоришь,
 Собака правдою считаешь;
 И думаешь: а что, вѣдь можешь быть и впрямъ
 Еще мнѣ лучше будетъ тамъ;
 Хоть хорошо и здѣсь.... отвѣдашь бы пусшишься;
 А худо, и назадъ вѣдь можно ворошишься.
 Подумала, да и съ двора долой,
 Къ сосѣду прямо прибѣжала.
 Живешь дней нѣскольکو, и мѣсяць и другой.
 Не шолько что куска шого не получала,
 Котораго, сосѣдъ сказалъ,
 Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ;
 И костью съ нуждою случисься
 Собакѣ въ праздникъ поживисься.
 Спать? хуже прежняго спала;
 А сверхъ шого еще привязана была. —

И по дѣломъ! за чѣмъ сбѣжала?
 Впередъ собака знай, когда еще не знала,
 Что многіе умѣють мягко спать,
 Да жоснко спать.

Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщуть,
 И ошъ добра добра не ищуть.

II.

ВЕЛИКАНЪ и КАРЛИКИ.

Купались Карлики; къ нимъ Великанъ пришелъ,

И пожь хошѣлъ

Купашься;

Да видишь, для него рѣка

Въ шомъ мѣстѣ, гдѣ они купающься, мѣлка:

Ихъ спрашивашь и добивашься:

Не знаютъ ли гдѣ глубина?—

Поди шуда, ему сказали:

Вошь шамъ она;

И мѣсто указали.—

Однако же рѣка

Для великана все мѣлка;

Не лъзя ему купашься.

Еще у нихъ онъ добивашься.—

Ну! говорять: шакъ шамъ шакая глубина,

Чшо не найдешь и дна!

Мы черезъ-это мѣсто плыли:

Но всё, гдѣ Карлики и дна не находили,

Въ бродъ переходить Великанъ.

Иному и въ дѣлахъ лужайка Океанъ.

III.

ВОЛЧЬЕ РАЗСУЖДЕНЬЕ.

Увидя Волкъ, что шерсть Паспухъ съ овецъ
сприжешъ,

Мнѣ мудрено, сказалъ: и я не понимаю,
За чѣмъ паспухъ со всѣмъ съ нихъ кожу не
дерешъ?

Я, напримѣръ, шакъ я всю кожу съ нихъ сдираю,
И шожъ въ иныхъ дворахъ господскихъ при-
мѣчаю.

За чѣмъ бы и ему не шакже посшупашъ?—

Слонъ, Волчье слыша разсужденье,
Я долженъ, говоршъ, тебѣ на шо сказашъ!
Ты судишъ шакъ какъ Волкъ; а Паспухово мнѣнъе
Овецъ своихъ не убивашъ.

Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брашъ,
Не будешъ наконецъ съ кого и шерсть сн-
машъ.

IV.

ЖЕЛАНІЕ КАЩЕЯ.

„Вошь эшубъ, пысячу мяъ полько докопншь,

„А шамъ я спану жншь,“

Сказаль Кащей, давно ужъ пысячи имъя.

Сбылось желаніе Кащя,

И пысячу онъ докопнлъ.

Однако же Кащей все не доволенъ былъ:

„Нѣтъ пысячу еще; а шу когда доспану,

„Я, право, болѣе желать уже не спану.“

Увидимъ: пысячу и эшу онъ доспалъ;

Однако слова не сдержаль,

И пысячу еще желашъ:

Но ужъ послѣднюю, въ помъ почно увѣряешъ.

Теперь онъ правду говорилъ:

Сегодня пысячу и эшу докопнлъ,

А завтре умеръ онъ; и все его имъяне

Доспалося по немъ другимъ на расшоченъе.

Когдабъ Кащей иной,

Доходъ пріумножая свой,

Еще сегодня догадался,

И пользовашъся имъ спарался.

V.

ПАУКЪ и МУХИ.

„Посшой, Паукъ сказалъ:
 Я чаю, что нашель причину,
 За чѣмъ еще большой я мухи не поймалъ;
 А попадаешся все мѣлочъ: дай раскину
 Пошире паушину;
 А ось-либо шогда поймаю и большихъ.“
 Раскинувъ наждаешъ ихъ:
 Все мѣлочъ попадаешъ;
 Большая муха налешипъ,
 Прорвешся и сама, и паушину мчипъ.
 А это и съ людьми бываешъ,
 Что маленькимъ, куда
 Ни обернись, бѣда:
 Боръ, напришърь, большой, хощь въ кражѣ попа-
 дешся,
 Выходишъ правъ изъ подъ суда;
 А маленькой наказанъ остаешся!

VI.

Ц Е Р В И.

Прекраснымъ садомъ кто-то шелъ,
И въ немъ гнѣздо червей нашелъ.

А черви гадина такая
Въ саду, какъ язва моровая.

Какъ недруговъ такихъ

Найши, и не напасъ на нихъ?

Не вытерпишь никакъ, чтобъ саду не вредили.

И пошъ, кто по саду ходилъ,

Взявъ палку, ихъ гнѣздо разрылъ.

Лишь только ихъ разворошили,

Всей кучею они на палку поползли,

Какъ будшо-бы войной пропивъ нее пошли.

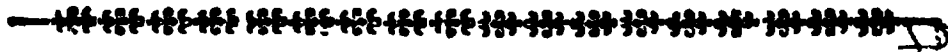
На палку куча наступала,

А палка между шѣмъ все кучу разрывала.

Саширой тронь дурныхъ писцовъ,

Не оберешься бранныхъ словъ.

VII.

ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА.

Въ неволѣ неушѣшно бышь:

Какъ не спарашься

Свободу получить?

Да надобно за все подумавъ принимаешься,
Чтобы бѣды большой ошъ малой не важишь.

Собака привязи избавишься хотѣла,

И привязь спала было рвать;

Не рвешся привязь: грызть ее...и переѣла.

Но поюжь привязью оцять,

Которой связанны концы короче стали,

Короче прежняго Собаку привязали.

7 9

VIII.

ХИТРЕЦЪ.

Когда-то въ Лондонѣ Хитрецъ одинъ сыскался,
Которой публикѣ въ листочкахъ общался,
Что въ узенькой кувшинѣ, онъ весь, каковъ онъ
есль,

Съ руками
И съ ногами

Въ такой-то день намѣренъ влѣзть.

При чемъ кувшину онъ рисунокъ прилагаетъ;
Почтенныхъ зрителей покорно приглашаетъ

За входъ по стольку-то платишь;

Начоло ровно въ шесть часовъ имѣеть быть.

Пошли по городу листы. — „Ба! что такое?
„Въ кувшинѣ залясть? что онъ съ ума сошелъ!
пустое!

„Гдѣ это слыхано? да и дуракъ поймешь,

„Что способу шумъ нѣтъ;

„Хоть какъ ни спалъ бы онъ ломашься,

„Однако, чтобы посмѣяться,

„Пойдемъ и поглядимъ, что это за чудакъ.“ —

Ужь съ чернью въ запуски кареты поскакали;

И вѣдучи Купецъ съ Милордомъ доказали,

Что нѣтъ физической возможности никакъ

Ему въ кувшинѣ умѣститься.

Положимъ, говоришь

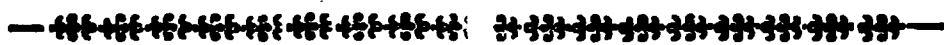
Купческа жена, што это онъ смудришь,
 И какъ нибудь въ кувшинъ втѣснился;
 Да вопъ што мудрено: какъ въ шейку-шо пролѣзшь!
 Однако же пора: ужъ безъ чешверти шесть.
 Эй, кучерь! погоняй.—Полгорода собравшись,
 Почши безъ памяти на тошъ кувшинъ глядишь,
 Кошорой Хишреца великаго вмѣстипшь.—
 Чшожь, скоро ли? одинъ другому говоришь:
 Пора бы ужъ начашъ.—Кто палкою спучишь;
 Кто шопашъ ногой.—Но долго дождавшись
 Узнали, што Хишрець и съ деньгами пропалъ.

Какихъ, подумаешь, обмановъ не бываетъ!
 Тошъ шѣмъ, другой другимъ, обманщикъ про-
 мышляешъ.

Вопъ я у насъ шакого зналъ,
 Кошорой о себѣ въ народѣ насказалъ,
 Что можешъ видѣшься съ духами,
 Всѣмъ ихъ показывашъ, и съ ними говоришь;
 Болѣзни всѣ лѣчишь
 Одними порошками.

И собирались шожь къ нему смотрѣшь духовъ,
 И порошки его въ болѣзняхъ принимали:
 Однако же духовъ, какъ слышно, не видали;
 А опъ чудесныхъ порошковъ
 Скорѣе, нежели опъ прочихъ, умирали.

IX.

СОЛОВЕЙ и ВОРОНЫ.

Кто какъ ни говори, что будто нѣтъ спрасшей
Въ живошныхъ, какъ и межъ людей;

А зависъ въ нихъ бываетъ,
И можешь быть людской еще не уступаешь.

Какъ свещешъ Соловей, извѣстно въ свѣтѣ всѣмъ;
Что много говоряшъ объ немъ!

Но вздумай на него воронья чернь озлишься,
Изъ зависи, что онъ, когда ни запоешь,
Пріятнымъ пѣніемъ людей къ себѣ влечешь.
Намъ должно, говоряшъ другъ другу, согласишься,
Чтобъ Соловью не дашъ ужъ больше опличишься:
Всѣ вмѣстѣ запоешь, когда онъ пѣшь начнешъ,
То голосъ шущъ его за нашимъ пропадешъ;
А если и погда надъ нами верьхъ возмешъ,
Такъ будемъ мы кричашъ, что дурно онъ поешъ,
Всѣмъ шѣмъ, кто спанешъ имъ прельщашъся.
Что долго ли ему и впрямъ поржешъвовашъ,
А намъ съ спыдомъ предъ нимъ Воронамъ оспа-
вашъся?—

И только Соловей свиспашъ,
Воронье спадо ну кричашъ!
Но голосъ Соловья не только не перялся,
Еще пріятнѣе по рошъ раздавался.

Другой бы голосъ, можетъ быть....
Да голосъ Соловья хотѣли заглушить!
Теперь хотѣлъ бы я спросить:
Кого съ Воронами поставишь здѣсь въ срав-
ненье?—

Мое простое мнѣнье:
Къ нимъ сочинителей иныхъ бы применишь.

X.

ОПЛОШАЛАЯ ЛИСИЦА.

Лисица много норъ съ опнорками имѣешь,
И какъ о шомъ одинъ ученой разумѣеть,
Такъ это для него: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

Одна какая-то Лисица оплошала,
Такъ что съ опнорками норы не прокопала.
Казалось ей норы довольно и глухой.
Я думаю, что лѣнь была тому виной;
А лѣнь часпехонько бываешь намъ бѣдой.
Охотники въ норѣ Лисицу ту заспали,
Куда? нѣтъ выходу! и въ ней ее поймали.

Когда съ Лисицы вдругъ о людяхъ говоришь,
Какъ впрямъ шога не похвалишь,
Кто съ ошорожноспью и въ службѣ посту-
паешь,
Что напередъ себя мѣстами запасаешь?—
Спаль новой командиръ изъ мѣста выживаешь,
Другое есть, куда пристаешь.

Хошь впрочемъ иногда случишся,
Гдѣ спашской чинъ сидѣль, военной очутишся.
Да дѣло здѣсь о шомъ:—когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда.

XI.

МАЛЬЧИКЪ и ПТИЧКА.

Всѣ полководцы утверждають,
 Что хитростью подъ часъ и силу побѣждаютъ.
 А это точно такъ.—Пришедши Мальчикъ въ
 лѣсъ,
 Гнѣздо на деревѣ увидѣлъ и полѣзъ,
 Чтобъ вынуть молодыхъ. Лишь шолько машъ
 успѣла
 Увидѣшь Мальчика, то чтобъ спасти дѣшей,
 Тотчасъ долой съ гнѣзда слетѣла,
 И пришворилась такъ умѣла,
 Что будто чуть жива;—а Мальчикъ пупъ за ней,
 Покинувши гнѣздо, гоняшся
 Съ пѣмъ, что когда поймаетъ машъ,
 Дѣшей успѣетъ онъ доспастъ.
 Лишь Мальчикъ шанетъ приближатся,
 Она впередъ все, да впередъ;
 То кой какъ пробѣжитъ немного; то вспорхнетъ.
 Такъ Мальчика она манила, все манила,
 И отъ гнѣзда его подалѣ отводила,
 Пока онъ отъ нея отспалъ;
 А дерева съ гнѣздомъ ужъ больше не сыскалъ.

XII.

Д О М О В О Й.

Пусть люди бы жинья другъ другу не давали;
Да ужъ и черни пожь людей превожинь спали!

Хозяинъ, говоряшь, одинъ какой-то былъ,
Кошорому опъ Домовова

Покою не было въ шомъ домъ, гдѣ онъ жилъ:
Что ночь, шо Домовой пугашь его ходилъ.

• Хозяинъ, чшобъ спаснись несчаснїа шакова,
Все дѣлалъ, чшо онъ могъ: и ладономъ курилъ;
Молишву опъ Духовъ шворилъ,
Себя и весь свой домъ кресшами оградилъ;
Ни двери, ни окна Хозяинъ не оставилъ,
Чшобъ мѣломъ крестника опъ Чорша не поста-
вилъ;

Но ни молишвой, ни креспомъ,
Онъ опъ Нечисшаго не могъ освободншься.

Случилось Спихошворцу въ домъ
Къ Хозяину переселиншься.

Хозяинъ радъ, чшо ешь съ кѣмъ скуку раздѣлишь;
А чшобъ смѣлѣ бышь,
Когда Нечисшой появишся,
Зовешъ онъ Авшора съ нимъ вечеръ проводншь,
И просншь сдѣлашь одолженъе
Прочешъ ему свое шворенъе.

И стихотворецъ въ угожденье,
 Одну изъ слезныхъ драмъ Хозяину читалъ,
 (Однако имя ей комедіи давалъ),
 Которую хотя Хозяинъ не прельщался,
 Да Сочинитель восхищался.

Нечистой Духъ, какъ часъ насталъ,
 Хозяину хоть показался,

Но и явленія не выждалъ одного:

По кожь подрадо его,

И стало не видашь.—Хозяинъ догадался.

Что Домовой чего-то не влюбилъ,
 Другаго вечера дождавшись посылаемъ,
 Чшобъ посидѣть опять къ нему Писатель былъ,
 Котораго опять читать онъ заставляешь,

И онъ читаетъ.

Нечистой только лишь придетъ

И живъ же часомъ пропадетъ.

Поспой же, рассуждалъ Хозяинъ самъ съ собою:

Теперь я слажу съ Сатаною.

Не станешь болѣе ты въ домъ ко мнѣ ходишь!

На шрешью ночь одинъ Хозяинъ нашъ осмался.

Какъ скоро полночь спало бишь;

Нечистой тушь; но чуть лишь только показался,

Эй! малой! поскорѣй! Хозяинъ закричалъ:

Чшобъ Стихотворецъ пу комедію прислалъ,

Которую онъ мнѣ читалъ.—

Услыша это, Духъ нечистой испугался,

Рукою замахалъ,

Чшобы слуга осмался;

И словомъ, Домовой

Пропалъ, и въ эпошъ домъ ужъ больше ни ногой.

Вотъ если бы стиховъ негодныхъ не писали,
Которые мы такъ бранимъ,
Какимъ бы способомъ другимъ
Чершей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячи бѣсовъ и домовыхъ
Къ намъ въ дома стануть появляться,
Есть чѣмъ отъ нихъ
Обороняться!

XIII.

С Л Ъ П Ц Ы.

Шло нѣсколько слѣпцовъ, какъ всѣ слѣпые хо-
дятъ,

Когда ихъ зрячіе не водяшь:

Почти что шагъ пройдушь,

Споткнулся, или упадушь.

Прохожій, чшобъ Слѣпцамъ не сполько споты-
кашься,

Даешъ имъ палку опираться.

Взявъ палку, передомъ одинъ слѣпецъ пошелъ,

А за собой другихъ повелъ.

Пошли, другъ за друга держались,

И меньше прежняго при палкѣ спотыкались.

Вдругъ споръ между Слѣпцовъ зашелъ:

Вожашымъ каждой бытъ хотѣлъ;

И споръ еще другой о палкѣ зашѣвающъ:

Какого дерева почестъ ее не знающъ.

Кто говоритъ,

Что палка ша кленова;

Другой твердитъ:

Дубова!

И оцуюню Слѣпцы хощашъ о томъ судить,

Что должно зрячему рѣшить.

Слѣпцы не могутъ согласиться,

И все сильнѣе споръ о палкѣ становитъся.

Изъ спора въ споръ Слѣпцы, попомъ до бран-
ныхъ словъ

Уже доходишь межъ Слѣпцовъ;
А шамъ и въ драку межъ собою,
И палкою другъ друга пою,
Котора имъ дана была, чтобъ ихъ водить,
Немилосердо бишь.
Но все не думаютъ другъ другу уступить:
Хоть умерешь, готовы драться,
А въ споръ не поддашься.
И до того не унялись,
Пока на смерть передрались.

Вошь такъ Слѣпцамъ во вредъ служило,
Что въ пользу ихъ дано имъ было.
А эдакихъ Слѣпцовъ,
Ошъ ересей и спорныхъ словъ,
Которые они разсѣяли въ законы,
На свѣстѣ не одни погибли миліоны.

XIV.

Д Р У З Ь Я.

Давно я зналъ, и вновь опять я научился,
 Чшобъ другомъ никого, не испытавъ, не звашь.

Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать,
 И возъ его сквозь ледъ къ несчастью провалился.

Мужикъ мешаться и кричашь:

Ой, башюшки! пону, пону, ой! помогите. —

„Ребята! что же вы стоите?“

„Поможемъ-те“ одинъ другому говорилъ,

Кто вмѣстѣ къ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.

„Поможемъ“ каждой подтвердилъ.

Но къ возу между пѣмъ никто не подходилъ.

А должно знашь, что всѣ одной деревни были,

Друзьями межъ собою слыли;

Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;

А сверхъ того между собой,

Для ушверженія ихъ дружбы круговой,

Крестами даже помѣнялись.

Другъ друга брапомъ всякъ зовешь;

А брапней возъ ко дну идешь!

Ко счастью мужика, споронніе сбѣжались,

И выпашили возъ на ледъ.

XV.

ЗАПАДНЯ и ПТИЧКА.

Задумалъ кто-то пшницъ ловишь;
 И западню ловишь ихъ выставляешъ,
 Наклавъ въ нее всего довольно ѣсть и пишь.
 А чтобы пшницъ еще вѣрнѣе приманишь,
 Обманъ къ обману прибавляешъ,
 И пшичку въ западню сажаешъ,
 Кошору изловилъ,
 Когда шотъ самой онъ обманъ употребилъ,
 Чшобъ пшичка, въ клѣткѣ распѣвая,
 Другимъ приманкою была,
 И голосомъ своимъ прельщая,
 Подругъ своихъ въ тюрьму, какъ надобро, звада,
 Одна изъ пшичекъ налетѣла,
 И къ западнѣ на голосъ пшички шой
 Подсѣла.
 Заглядываешъ къ ней со спороны, съ другой;
 Но вдругъ подумавши съ собой,
 Нѣшь, говоришь: хощь сколько ты ни шой;
 Сомнишеленъ мнѣ голосъ швой;
 Не спроси здѣсь и шы, да и запасъ шакой!
 Я, правда, цѣлой день не ѣла,
 Однако въ шѣснопу шакую не пойду;
 А въ полѣ полечу; тамъ кормъ себѣ найду,
 Какой я и всегда, хощь съ пуждою, имѣла.
 А здѣсь гошовое даюшь и ѣсть и пишь,
 Да шѣсно жишь!

XVI.

ЗАСЛУЖЕНОЙ КОНЬ

Былъ конь у барина, какихъ бываетъ мало;
 Не конь, а кладъ,
 Какъ говоряшь.

Скупаго барина такого не бывало,
 И шолько одного коня онъ и держаль,
 Которой въ домѣ всю работу исправляль,
 Какую бы и премь исправиль въ пору было.
 Конь сколько могъ служиль; но время наступило,
 Что больше ужъ не въ мочь пришло ему служиль.

И по прямомуь надлежало
 Изъ благодарности коня по смерть кормиль.
 Но чувства въ баринѣ такого не бывало:
 Конь въ шягосшь спаль; онъ шлеть продашь.
 Но дряхлаго коня кто спанеть покупашь?
 Ведущъ его назадъ. „Ну, не хочу я болѣ,
 (Хозяинъ осердясь спаль людямъ говоряшь)

Безпрокаго коня кормиль:

Стонише въ поле;

Пускай за службу самъ онъ кормится на волѣ.“

И бѣднаго коня ведѣль съ двора согнашь.

Такого ли коню за службу воздаянья
 Возможно было ожидать?
 Въ нашъ вѣкъ хозяинъ пропитанья
 Стыдился бы коню не дать.

XVII

ЗЕЛЕНОИ ОСЕЛЪ.

Какой-то съ умысла дуракъ
 Взявъ одного осла, его разкрасилъ такъ,
 Чю весь зеленой спалъ, а ноги голубья.
 Повель осла казати по улицамъ дуракъ.
 И спарики и молодые,
 И малой и большой
 Гдѣ ни взялись, кричатъ: Ахши! осель какой!
 Самъ зеленъ весь какъ чижъ, а ноги голубья!
 О чемъ слыхомъ доселѣ не слыхашъ.
 Нѣшъ, (городъ весь кричишъ) нѣшъ, чудеса такія
 Достойно вѣчноспи предашъ,
 Чтобъ даже внуки наши знали,
 Какія рѣдкости въ нашъ славной вѣкъ бывали.—
 По улицамъ смотрѣшъ зеленого осла
 Кипишъ народу безъ числа;
 А по домамъ окошки опкупающъ,
 На кровли выдѣзающъ,
 Лѣса, подмоспки подспавляющъ.
 Всѣмъ видѣшъ хочешся осла, когда пойдешъ;
 А всѣмъ иди съ осломъ дороги сполько нѣшъ!
 И давка вокругъ осла сказать не лѣзя какая:
 Другъ друга всякъ полкаешъ, жмешъ,
 Съ боковъ и спереди и сзади забѣгая.

 Чпожъ? два дни первые гонялся за осломъ
 Безъ памяши народъ въ карешахъ и пѣшкомъ.

Больные про болѣзнь свою позабывали,
Когда зеленого осла имъ вспоминали;
И няньки съ мамками, ребяшъ чѣтобъ укачашъ,
Коша ужъ полно припѣвать:
Осла зеленого ребяшамъ припѣвали.
На прешій день осла по улицамъ ведутъ;
Смотрѣшъ осла уже и съ мѣста не вспаюшъ.
И сколько всѣ объ немъ сперва ни говорили,
Теперь совсѣмъ объ немъ забыли,

Какую глупость ни зашѣй,
Пока еще нова, чернь безъ ума отъ ней.
Напрасно спалъ бы кто старашся
Глупцовъ на разумъ наводишъ;
Ему же будишъ насмѣхашся:
А лучше времени глупцовъ препоручишъ,
Чѣтобы на путь прямой попали.
Хоти сколько бы они прощивишся ни сшали,
Оно умѣешъ ихъ учишъ.

XVIII.

СОЛОВЕЙ и ЧИЖЪ.

Былъ домъ,
Гдѣ подь окномъ
И Чижъ и Соловей висѣли,
И пѣли.

Лишь только Соловей бывало запоетъ,
Сынъ маленькой опцу проходу не даетъ:
Все пичку показатъ къ нему онъ пристукаетъ,
Что эдакъ хорошо поетъ.

Опець, обихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.

Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ!

Которая тебя шакъ много забавляетъ?—

Тотчасъ на Чижика мальчишка указалъ.

Вошь, башюшка! она, сказалъ.

И мальчикъ опъ Чижъ въ великомъ восхищеньи:
„Какія перушки! куда какъ онъ пригожь!
„За шѣмъ вѣдъ у него и голосъ шакъ хорошъ!“

Вошь дѣтско разсужденье!

Да полно и въ житействѣ можъ

О людяхъ многіе по виду заключающъ:

Кто наряженъ, богашъ, пригожь,

Того и умнымъ почишающъ.

XIX.

ЛОШАДЬ и ОСЕЛЬ.

Д бро, которое мы дѣлаемъ другимъ,
 Въ добро послужишь намъ самимъ;
 И въ нуждѣ надобно другъ другу
 Всегда оказывашь услугу.

Случилось Лошади въ дорогѣ бысть съ осломъ,
 И Лошадь шла порожнякомъ;
 А на Ослѣ поклажи сполько было,
 Чпо бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.
 Нѣтъ мочи, говоритъ: я право упаду,
 До мѣста не дойду.

И проситъ Лошадь онъ, чшобъ сдѣлашь одол-
 женье,

Хошь часть поклажи снять съ него:

„Тебѣ не стоишь ничего,

А мнѣбъ ты сдѣлала большое облегченье“

Онъ Лошади сказалъ.

„Вошь, чшобъ я съ ношею ослиною таскалась!“

Сказала Лошадь и помчалась.

Осель пошуда шель, пока подъ ношей палъ,

И Лошадь шуть узнала,

Чшо ношу раздѣлить напрасно отказала,

Когда ее несли одна

Съ ослиной кожею была принуждена.

XX.

СЧАСТЛИВОЕ СУПРУЖЕСТВО.

Вотъ, говорятъ, примѣровъ нѣтъ,
 Чтобъ мужъ въ ладу съ женою жин,
 И даже и по смерть другъ друга бы любили.
 Ой! здѣшній свѣтъ!
 Привыкнувъ клеветашъ, чего ужъ не внесетъ?
 Не стыдно ли всклепашъ напраслину шакую?
 Впредь не повѣрю въ шомъ я больше никому,
 И слухъ шакой сочтулишь за молву пустую.
 Я самъ свидѣлемъ шому,
 Что и согласіе въ супружествахъ бываетъ;
 И шомъ, кто этому не вѣритъ, согрѣшаетъ.
 А васъ клеветниковъ, чтобъ на вѣкъ устыдидишь,
 Я буду вамъ примѣръ живой здѣсь говорить.
 Послушайте:—чегобъ жена ни пожелала,
 Мужъ исполнять все то за свято почишалъ;
 А и жена, чегобъ и мужъ ни пожелалъ,
 Равно безъ женскаго упрямства исполняла.
 Одною ласкою и просьбою одной,
 Какъ съ стороны, шакъ и съ другой,
 Взаимной волѣ угождали:
 И ссоры никогда между собой не знали.
 Чтшо нравилось ей, шо нравилось ему.
 Когдажъ бывало что проотивно одному,
 Проотивно было шо равно и для другаго.
 И я не видывалъ согласія шакова,

Какое было между ихъ.

Какъ до вѣнца еще невѣста и женихъ
 Спараюшся, чшобъ ихъ пороки скрышы были,
 Такъ почно и они всегда,
 Спавъ мужемъ и женой, взаимно ихъ шанли,
 Чшобъ въ домѣ не было досады никогда.
 Последнй поцѣлуй, когда ужъ умирали,
 Такъ спраспенъ былъ, какъ пошь, когда ихъ
 обвѣнчали;

И словомъ: жили до конца,
 Какъ въ первый день живущъ пришедши опъ
 вѣнца.

„А сколько лѣшь ихъ вѣку было?“
 Да сколько лѣшь?—Съ недѣлю и всего;
 А безъ шого
 На сказку бъ походило.

XXI.

СТРЯПЦІЙ и ВОРЫ.

Какой-то Стряпцѣй былъ, всѣмъ стряпчимъ об-
разецъ,

Такой дѣлецъ,

Что стряпческими онъ ухватками своими,
Предъ всѣми стряпчими другими.

Взявъ первенство, къ себѣ всѣхъ испцовъ при-
манилъ.

И словомъ: такъ проворенъ былъ,
Что часто имъ и пошъ оправданъ оставался,
Которой самъ суду въ винѣ своей признался,
И судъ кошораго на казнь ужъ осудилъ.

Въ покражѣ двухъ Воровъ поймали;
И должно по суду Воровъ за то казнить:

А это Воры знали;

Однако какъ они о Стряпчемъ пошъ слышали,
Что если за кого возмешся онъ ходишь,
Бояться нѣчего; по Стряпчаго сыскали,

Суляшь ему что за душой

Изъ краденыхъ вещей,

Лишь только бы оправить,

Отъ смерти ихъ избавить.

Вѣдь шяжко умирашь, какъ есть кому чѣмъ жить!

Надѣясь отъ Воровъ подарки получить,

Смалъ Стряпцѣй за Воровъ ходишь;

И выходятъ, что ихъ на волю оппустили,
 Всѣхъ вообще судей заспавя разумѣшь,
 Что ихъ напрасно обвинили.
 Вошъ въ свѣтъ каково спарашеля имѣшь!

Какъ скоро ихъ освободили,
 Въ домъ Спряпчаго снесли они, что посулили
 Благодаряшъ,
 И впредь дарить его суляшъ.

Какъ это все происходило,
 Что Спряпчій опъ Воровъ подарки принималъ,
 И съ ними въ радости на счешъ ихъ пировалъ,
 Ужъ на дворъ не рано было;
 И спалъ госпей онъ унимашъ
 Оспашся переночевать;
 А госпи будшо бы сперва не соглашались,
 Однако ночевать оспались.

Лишь полько въ домъ улеглись,
 За промыслъ госпи принялись:
 Не полько что свои подарки ворошили,
 Еще и Спряпчаго пожипки разсчечили;
 Попомъ до соннаго добрались самаго,
 И въ барышахъ ему бока опколошили,
 Оспавя чущъ живымъ его.

Кшо плушнями живешъ и плушнямъ пошакешъ,
 Опъ нихъ и погибашъ.

XXII.

СТРЕКАЗА.

Все лѣшо Спреказа въ то полько и жила,
 Что цѣла;
 А какъ зима пришла,
 Такъ хлѣба ничего въ запасѣ не имѣла.
 И просишь Муравья: помилуй, Муравей!
 Не дай пропасть мнѣ въ крайности моей,
 Нѣтъ хлѣба ни зерна, и какъ мнѣ бышь, не знаю.
 Не можешь ли меня хоть чѣмъ нибудь ссудить,
 Чшобъ ужъ хоть кое-какъ до лѣта мнѣ дожишь?
 А лѣшо какъ придешь, я право обѣщаю
 Тебѣ все вдвое заплашишь.
 „Да какъ же цѣлое ты лѣшо
 „Ничемъ не запасалсь?“ ей Муравей на это.—
 Такъ виновата въ помъ; да что ужъ? не взыщи.
 Я запаснися все хошѣла,
 Да лѣшо цѣлое пропѣла.—
 „Процѣла?—хорошо! подижъ шеперь свищи.“

XXIII.

Д В А К У П Ц А.

Кащей! ты дурно поступаешь,
 Когда лишь въ шо живешь, что деньги соби-
 раешь,
 И первымъ ихъ своимъ блаженствомъ почишаешь:
 Ну, если часъ шакой найдетъ,
 Что деньги ешь, да хлѣба нѣтъ?
 Вошь ты мнѣ смѣхомъ опивѣчаешь!
 Да смѣхъ твой можешь быть проидеть:
 Дай полько расскажашь мнѣ нѣчто напередъ.

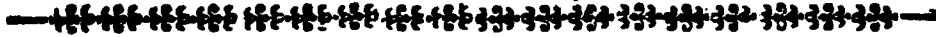
Въ какомъ-шо городѣ два человекъ жили,
 Которы промысломъ Купцами оба были.
 Одинъ изъ нихъ въ шо полько жилъ,
 Что деньги изъ всего копилъ;
 Другой доходъ свой въ хлѣбъ оборотить ста-
 рался.

Богатой деньгами поварищу смѣялся,
 Что онъ все хлѣбомъ запасался.
 Товарищъ смѣхъ его спокойно принималъ,
 И хлѣбной свой запасъ все больше умножалъ.
 Вдругъ войско къ городу съ осадой подступило;
 Съ осадой наконецъ и голодъ наступилъ.
 Теперь что у кого запасу къ счастью было,
 Тотъ тѣмъ въ сей крайности и жилъ.
 Богатой деньгами, Кащей безъ хлѣба былъ:

Купишь его ко всѣмъ по городу мешался:
 За хлѣбъ одинъ Кащей всѣ деньги отдаетъ;
 Однако же ништо и денегъ не беретъ.
 О чѣмъ деньгахъ, если хлѣба нѣтъ?
 Товарищъ лишь одинъ прибѣжищемъ остался.
 Кащей въ числѣ другихъ несчастныхъ первой
 былъ,

Который хлѣба попросилъ
 У самого того, кому онъ насмѣхался,
 Что шопъ все хлѣбомъ запасался.
 Товарищъ и его нишалъ,
 И прочихъ жипелей опъ голода спасалъ.
 Какъ городъ взяли,
 Всѣхъ жипелей живыхъ застали,
 А у Кащея все богатство обобрали.
 Ну, что? ему тогда товарищъ говорилъ:
 Гдѣ золото швое, и гдѣ бы самъ ты былъ,
 Когдабъ я хлѣба не колилъ?

XXIV.

ДИОНИСІЙ и МИНИСТРЪ ЕГО.

Изволь пожалуй отвѣчать,
 Да шакъ, чшобъ не солгашъ
 И правды не сказашъ.

О Діонисіи, я чаю, всякой знаешъ;
 Извѣстно всѣмъ каковъ онъ былъ!
 Слухъ о дѣлахъ его и нынѣ ужасаетъ;
 А каковожъ шому, кто при Тиранѣ жилъ?
 И я не радъ, чшо ужъ объ немъ заговорилъ:
 Не знаю какъ бы поскорѣ
 Сказавъ объ немъ, чшо понужнѣе,
 Оспавишь мнѣ его.

Разъ у Министра своего
 Попроховалъ онъ мнѣнше,
 Когда какое-шо, не помню, сочиненше
 Въ стихахъ дурныхъ онъ написалъ,
 Да съ шѣмъ, чшобъ онъ ему всю истину сказалъ.
 Министръ привыкъ всегда безъ лести изъяс-
 няпсья,
 И самъ Тиранъ его за правду почиталъ,
 И часто за нее прощаль.
 Стихи (онъ отвѣчалъ Тирану) не годяпсья.—
 Но шупъ не могъ Тиранъ отъ злоспиудержапсья;

Подъ карауль ошдашь Министра приказаль;
Самъ передѣлаль сочиненье.
Спустя дней нѣсколько Министра онъ призваль,
Чшобъ вновь его услышашь мнѣнье.
Министръ ему не ошвѣчалъ;
А къ караульному, кошорой тушь случился,
Оборошился,
И говоритъ ему: я долженъ ошвѣчать;
Такъ поведи меня подъ карауль ошяшь.

XXV.

ДВА БОГАЧА.

Два были богача, и оба въ шяжбѣ были.
 Причины же прямой я не могу свазашь:
 Кто можешь все подробно знашь?
 Къ тому же шолкъ инымъ дѣламъ приказнымъ
 дашь
 Не шакъ-шо чшобъ легко.—Иные говорили,
 Чшо споръ ихъ изъ куска земли;
 Другіе:
 Чшо будшо бы долги какіе
 Прапрадѣдовъ своихъ другъ на друга начали.
 Такимъ-шо и шягашься,
 Которымъ кошелекъ поможетъ оправдашь,
 И у судей законъ и совѣсть опкупишь.
 Безъ денегъ, какъ на шоргъ, въ судъ не за чѣмъ
 ходишь.
 Приказной формою дѣла ихъ въ судъ вспунили;
 И каждой споронѣ, ихъ спрянчіе сулили,
 Чшо въ пользу дѣло то поидешь.
 Проходишь годъ, другой, и близъ десяшка лѣтъ;
 Конца однако дѣлу нѣшь. ✎
 Ужь ли судьи ихъ сговорились
 Такъ долго дѣло волочишь?—
 Вошь топчасъ клеветашь и на судей вносишь
 И думашь, что они изъ взяшокъ согласились....

Какъ будшо бы не лъзя другимъ причинамъ
 бышь,
 Чшо дѣло шихо шло? Ну, какъ жушь поспѣ-
 шить?
 Съ годъ, говоряшь, по немъ въ однихъ архивахъ
 рылись.

Въ шомъ самомъ городѣ, гдѣ споръ происхо-
 дилъ,
 Какой-то Живописецъ былъ,
 Которой написалъ на богачей каршину,
 Такъ что нагими ихъ онъ въ ней изобразилъ,
 И выставилъ въ народъ. Всѣ спрашивашъ при-
 чину;
 Весь городъ полковашъ и говоришь объ нихъ
 И шолько чшо рѣчей о богачахъ нагихъ.
 Доходишь вѣсть о шомъ до богачей самихъ.
 Пошли смотрѣшь каршину,
 И видяшь, дѣло шакъ! Позоръ, позоръ для
 нихъ!

Взбѣсидись богачи: гомовы ужъ прошенье
 На живописца подавашъ,
 Чшобы безчеснѣ взыскашь,
 И въ шяжбѣ будучи, другую начинашь.
 къ, говоряшь: снесши шакое поношенье? —
 Пошли его спросить однако напередъ.
 Пожалуй, говоряшь: скажи, чшо за причина,
 Чшомъ въ поруганье намъ написана каршина
 И выставлена въ свѣшь?
 Чшо развѣ шы, мой другъ, сочель насъ дура-
 ками,
 Чшобъ насмѣхашься шакъ надъ нами?

Нѣтъ, живописецъ имъ сказалъ:
Не съ шѣмъ картину я писалъ,
Чшобъ мнѣ надъ вами насмѣхашься;
А полько вамъ хотѣлъ каршиною сказашь,
Чего вамъ должно ожидашъ,
Когда еще вы спанете шягашься.

XXVI.

Л Ъ С Т Н И Ц А.

Все надобно спарашься
 Съ пошребной спороны за дѣло принимашься;
 А если иначе, все будешь безъ пуши.

Хозяинъ нѣкакой спалъ, лѣстницу меспи;
 Да началъ, не умѣя вѣдшьяся,
 Съ сшупеней нижнихъ месшь. Хошь съ нижней
 соръ смешешъ,
 А съ верхней соръ опяшь на нижнюю спадешъ.
 Не безшолковъ ли шы? ему шупъ говорили,
 Кошорые при эшомъ были:
 Кшо съ низу лѣстницу мешешъ?

На чшобы походило,
 Когда бь въ правлени, въ какомъ бы шо ни было,
 Не съ вышнихъ шшепеней, а съ нижнихъ начинатьъ
 Порядокъ наблюдашь?

XXVII.

БЛАГОДѢЯНІЕ.

Весьма похвально поступаешь
 Къто бѣднымъ помогаешь;
 И лучше самому хоть съ нуждою прожись,
 Чтобъ бѣднымъ удѣлишь.

Смирена шакъ разбогатѣла,
 Чшо чистымъ золомомъ вдругъ миліонъ имѣла.

Досапокъ сей

Досадя по духовной ей.

Ну, говоришь: шеперь ни что не помѣшаешь

Мнѣ въ нуждѣ бѣднымъ помогашь.

Хвала Творцу за благодать!

Пускай лишь шолько пожелаешь

Кшо помощи моей.

Лишь шолько молвила, и нищій у дверей;

„Подайте милостину!“ просишь,

И просьбу съ жалосью такою произносишь,

Чшо всякъ бы пронуть былъ. Смирена мѣры нѣшь,

Чшо чувствуетъ; и какъ за нищаго спрадаешь:

Суди Богъ, говоришь: кшо бѣдныхъ покидаешь!

И нищему большой.... гнилой сухарь несешь.

XXVIII.

ДѢЛЕЖЪ ЛЬВИНОЙ.

Осель съ Овцой, съ Коровой и съ Козой,
 Когда-то въ пайщики вступили,
 И Льва съ собою пригласили
 На договоръ шакой,
 Что если звѣрь какой
 На чьей нибудь землѣ въ пенѣша попадешся,
 И звѣря эшаго удасться изловишь,
 Тобы добычу раздѣлишь
 По равной часпи всѣмъ, кому чпо доведешся.

Случись,
 Олень къ Козѣ въ пенѣша попадись.
 Тотчасъ другъ другу повѣсшили,
 И вмѣстѣ всѣ они Оленя задушили.

Дошло до дѣлежа. Левъ потчасъ говоритъ:
 Одна шущъ часшь моя, и мнѣ принадлежишь,
 За шѣмъ чпо договоръ шакой мы положили.
 „Объ эшомъ слова нѣтъ!“—Другая часшь моя,
 За шѣмъ чпо Львомъ я
 Называюсь,
 Чпо первымъ между васъ считаюсь.
 „Пускай и то!“—И шрешья часшь моя,
 По праву: кшо кого храбрѣе;

Еще четверту часпъ беру себѣ же я,
По праву: кто кого сильнѣе;
А за послѣднюю лишь шолько кто примись,
То шупъ же съ жизнью проспись.

XXIX.

ВОЛЯ и НЕВОЛЯ.

Волкъ долго не имѣвъ поживы никакой,
 Былъ пощъ, худой,
 Такой,

Чшо кости лишь однѣ да кожа;
 И волку этому случись
 Съ собакою сойшись,
 Кошорая была росла, пригожа,
 Жирна,

Дородна и сильна.

Волкъ радъ бы всей душой съ Собакою схва-
 титься

И ею поживиться;

Да полно для шого не смѣлъ,
 Чшо не по немъ была Собака,
 И не по немъ была бы драка.

И такъ со стороны учтиво подошелъ;

Лисой къ ней началъ подбиваться:

Ея дородству удивляясь,

И всячески ее хвалишь.

„Не стойшь ничего тебѣ такимъ же бышь,
 Собака говоришь: какъ скоро согласишься

Идти со мною въ городъ жить.

Ты будешь весь иной, и такъ переродишься,

Чшо самъ себѣ не надивишься.

Что ваша жизнь и впрямь? Скипайся все,
рыщи,

И съ горемъ пополамъ поѣшь чего ищи;
А даромъ и кускомъ не думай поживишься:

Все съ бою должно взять!

А это на какую спашь?

Куда такая жизнь годится?

Вѣдь посмотришь, шакъ въ чемъ душа-то право
въ васъ!

Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испишые,
Поджарые, худые!

Нѣтъ! шо-шо жизнь-шо какъ у насъ!

Ѣшь не хочу!—всего, чего душа желаетъ!

Послѣ гостей

Косшей, косшей,

Ошпанковъ ошъ шола, шакъ шолько ихъ
бываетъ,

Что нѣкуда дѣвашь!

А ласки ошъ господъ, ужъ подлинно сказать!“

Разпаялъ Волкъ слыша вѣшь шакую,

И даже слезы на глазахъ

Ошъ размышленія о будущихъ пирахъ.—

А должность ошправлять за это мнѣ какую?

Спросилъ Собаку Волкъ. — „Что? должность?
ничего!

Вошъ только лишь всего:

Чтобъ не пускашь ва дворъ чужова никого ;

Къ хозяину ласкашься,

И около людей домашнихъ увивашься!“

Волкъ слыша это все, не шель бы, а дешѣль;

И лѣсъ ему шакъ омерзѣль,

Что про него ужъ онъ и думашь не хошѣль;

И всѣхъ Волковъ себя счастливѣе считаешь.
Вдругъ на собакѣ онъ дорогой примѣчаешь,
Что съ шеи шерсть у ней сошла.

—А это что такое,

Что шея у тебя гола?—

„Такъ, это ничего, пустое.“

—Однако нѣшь, скажи.—„Такъ право ничего.

Я чаю,

Это отъ того,

Что иногда на привязи бываю.“

—На привязи? нушь Волкъ вскричалъ:

Такъ ты не все живешь на волю?—

„Не все. Да полно что въ шомъ нужды?“ Песъ
сказалъ.

А нужды сполько въ шомъ, что не хочу я болѣ

Ни за что всѣхъ мировъ твоихъ:

Нѣшь, воля мнѣ дороже ихъ;

А къ ней на привязи, я знаю, нѣшь дороги!—

Сказалъ, и къ дѣсу дай Богъ ноги.

XXXII.

ПРАЗДНИКЪ ДЕРЕВЕНСКОЙ.

Мы въ прихожахъ своихъ шого не разбираемъ,
Во вредъ ли, въ пользу - ль намъ все то, чего
желаемъ.

Приходишь праздникъ годовой.
Кшо празднику не радъ? Крестьяне дожидатся,
Всѣмъ шѣмъ, чшо надобно, на праздникъ запа-
сашься;

И въ радости шакой
Сряжашься:
Какъ погуляшь,
Попировашь,
Самимъ какъ въ гостии побывашь,
И какъ гостей къ себѣ созвашь.

Наспалъ ихъ праздникъ, и наспало
Ненасшье съ праздникомъ, какого не бывало;
Такъ чшо ни вонъ изъ избъ. А правду всю сказашь:

Такъ для народа
Тогда и погуляшь,
Какъ хороша погода.

А шуть и дождь, и снѣгъ, и градъ,
И грязь гулякамъ по колѣни.
Крестьяне и въ жалобу въ пѣни.
Ни кто и празднику не радъ;

И къ богу ведра приступили.

(Изычники крестьяне были)

Помилуй, говоряшь: во весь мы круглой годъ

Часа покою не имѣемъ:

То пащемъ мы, шо жнемъ, шо сѣемъ,
Когда не на себя, пакъ на своихъ господъ.

Недѣля намъ въ году, чшобы повеселишься,

И ша вошь прахомъ вся пошла!

Погода до того все хороша была;

Теперь на улицу не можно появишься. —

„Неблагодарные! богъ ведра имъ сказалъ:

Не знаете чего хопите.

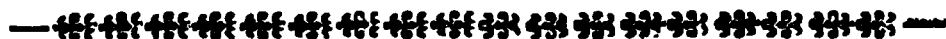
Впередъ Судьбу вы не гнѣвише.

Къ спасенью вашему я вамъ нечашье далъ:

Хлѣбъ на поляхъ у васъ совсѣмъ ужъ пропадалъ;

Зной жегъ его, а червь сѣдалъ.“

XXXIII.

ОСЕЛЪ ПРИГЛАШЕННЫ НА ОХОТУ.

Собравшись Левъ звѣрей ловишь,
 Осла въ числѣ своихъ Придворныхъ приглашаешь,
 Чпобъ на охоту съ нимъ сходишь.
 Осель дивишься и не знаешь,
 Какъ милость эшу разсудишь:
 За тѣмъ что эшаго родясь съ нимъ не случилось.
 И сглупа показалось
 Ему,
 Чшо милость Льва къ нему
 Такая,
 Его особу уважая.
 „Вошь, говоришь:
 Вся мѣлочъ при дворѣ меня пренебрегаетъ,
 Бранишь
 И обижаешь;
 А самъ и Царь,
 Мой Государь,
 Сподобилъ милости, не погнушавшись мною:
 Такъ знаешь чего нибудь я спою.
 И не дуракъ ли я, что всѣмъ я уступалъ?
 Нѣшь, полно уступашь!“—сказалъ.

Какъ члена Судъ иной, что въ члены онъ попалъ,
 Судейску важную осанку принимаешь,
 Возносишься и всѣхъ ни за что почишаешь;
 И что ни дѣлаешь и что ни говоришь,
 Всегда и всякому, что Членъ онъ подтвердишь.
 И ежели кого другаго не поймашь,
 Хоши на улицѣ къ ребятамъ радъ приспашь,
 И имъ, что Членомъ онъ, сказать.
 Въ письмѣ къ роднымъ своимъ не можешь удержаться,
 Чшобъ Членомъ каждой разъ ему не подпишешься;
 И словомъ: весь онъ Членъ; и въ домѣ ошь людей
 Все членъ по немъ до.... лошадей!

Такъ почно и Осель мой началъ возноситься:
 Не знаешь какъ ему спулишь;
 Самъ бодрости своей не радъ. Чему-то бышь!
 Не всякому Ослу случился
 Льва на охоту проводишь.
 Да чѣмъ-то это все рѣшился?
 Осла Левъ на охоту брашь....
 Чшобъ съ царской милостью Ослу не горевашь.—

Звѣрей, кошорыхъ заправили,
 Всѣхъ на Осла звалили,
 И съ головы до ногъ всего
 Обвѣсили его.

Тогда Осель узналъ, что взяше онъ на охоту,
 Не въ уваженіе къ нему, а на работу.

XXIV.

ЛОШАДЬ СЪ ВОЗОМЪ.

Когдабъ приманчивость людьми не управляла,

Къ чемубъ тогда годился свѣшь?

Кудабъ и не идти, теперь иной идешь:

Приманчивость ведешь!

А эта мысль мнѣ вошь съ чего припала:

Я видѣлъ: лошадь возъ съ камнями везешь,

И очень лошадь ужъ пристала.

Возъ съна впереди идешь;

То чшобъ до съва ей добраться,

Она, хоть черезъ мочь, везши и надсѣдашься;

И шакъ впередъ все шла, да шла,

Пока возъ съ камнями до мѣста довезла.

XXXV.

ПОПУГАЙ.

У барина былъ попугай,
 Которой какъ-то невзначай
 Ошъ барина изъ дому,
 Въ окошко залетѣлъ
 Къ креспьянину проспому;
 И шолько прилетѣшь успѣлъ,
 Заговорилъ, что разумѣлъ.

Не рѣдко чернь, когда чего не понимаешь,
 За дьявольщину почишаешь.

Мужикъ словесныхъ птиць не видывалъ шакихъ,
 И слышашъ не слыхалъ объ нихъ;
 Счель, что влетѣла въ домъ духовъ нечиспыхъ
 сила.

Жена его потчасъ молитву сошворила,
 И какъ на выдумки хипрѣй его была,
 (Такъ какъ и вообще считающъ,
 Что будто жены всѣ хипрѣй мужей бывающъ)
 Скорѣй горшокъ гдѣ ни взяла,
 И полугая имъ накрыла;
 А сверхъ шого
 Крестомъ его,
 Чшобъ вѣроче онъ сидѣлъ накрывши, заградилъ.
 „Сиди же!“ говоришь.

И попугай мой подъ горшкомъ сидишь.
Межъ шѣмъ взыскались попугая;
Людей вездѣ, куда лишь можно, рассылая,
Сыскали какъ-шо слѣдъ, пришли,
И подъ горшкомъ нашли
Его чушь, чушь живова.

На это что скажешь инова?
Бѣда попасшь съ умомъ
Къ невѣждѣ въ домъ!

БАСНИ И СКАЗКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

БАСНИ И СКАЗКИ.

I.

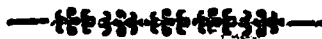
МУРАВЕЙ и ЗЕРНО.

Готовя Муравей запасъ, нашель зерно,
Межъ мѣлками одно
Весьма большое.

Не Муравью бы имъ казалось и владать,
Да нѣтъ, зашѣль онъ и эпу ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ: такое
Одно на цѣлюю недѣлю можешь спастъ;
И пошачиль зерно большое.

Дорога вверхъ горы утесистой была:
Ну, окола зерна мой Муравей прудисься,
Тащиль, карабкайся, лѣпилься;
Но тяжестъ трудъ перемогла,
И Муравья шреяглавъ съ утеса сорвала:
Грузъ въ сторону лешиль, а Муравей въ другую.

Не прогая спруну людскую,
Мнѣ только Муравью хошѣлось бы сказашъ,
Чшобъ свыше силъ не подымашь.

II.

ЛѢНИВЫЕ и РЕТИВЫЕ КОНИ.

Въ однихъ повозкахъ шли решивые кони,
 Въ другихъ лѣнивые. Пришедъ къ горѣ они,
 Лѣнивые ни съ мѣша! спали.—
 А вѣдь въ дорогѣ не спояшь!

Ну, ну, и погоняшь;
 Ни съ мѣша.—Способа другаго не сыскали,
 Какъ изъ воевъ коней лѣнивыхъ выпрягать,
 А нелѣнивыхъ впрячь. Впрягли коней решивыхъ,
 Чшобъ вывезшь на гору повозки за лѣнивыхъ:
 Лишь шолько чшо одну взвезушь,
 Въ другую ихъ перепрягушь.

Когдажъ кормишь обозъ оспановили,
 Всѣхъ на одну шраву, на шощъ же лугъ пусшили.

Случившися я шущъ,
 Подумалъ: вошь жишьє какое!
 Решивому всегда рабошы вдвое,
 А шощъ же кормъ даюшь!

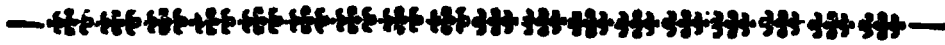

III.

КУРЫ и ГОЛУБКА.

Какой-то мальчикъ пшиць любилъ,
 Дворовыхъ, всякихъ безъ разбору;
 И крошками кормилъ.
 Лишь голосъ дастъ ко сбору,
 То куры шумъ какъ шумъ,
 Ошвсюду набѣгушъ.
 Голубка шоже прилетѣла,
 И крошекъ поклевашъ хотѣла;
 Да шой опваги не имѣла,
 Чшобъ подойши къ крохамъ. Хошъ къ нимъ и
 подойдешъ,
 Бросая мальчикъ кормъ, рукою лишь взмахнешъ,
 Голубка прочь, да прочь; и крохъ какъ нѣшъ,
 какъ нѣшъ!
 А куры между шѣмъ съ опвагой насшупали,
 Клевали крохи, да клевали.
 На свѣшъ часто шакъ идешъ,
 Чшо счасшя иной опвагой достшупашъ;
 И смѣлой шамъ найдешъ,
 Гдѣ робкой пошеряешъ.

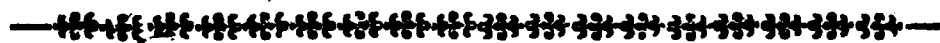
IV.

НЕВЪЖЕСТВО и СКУПОСТЬ.

Опъ зла и одного чего не заведешся!
 Чшожь, если больше ихъ сподкнешся?

Невѣжа, а при шомъ скупой,
 По милости Судьбы слѣпой,
 Нашель въ землѣ одну лишую
 Спаринную спашую,
 Такой
 Работы масперской,
 Чшо въ наши времена не сдѣлають другой. -
 Топчасъ невѣжа мой
 Скупой,
 Вообразя, что въ ней сокрышы деньги были,
 Обухъ схвашилъ
 И спашую разбилъ,
 Кошорѣй знашоки цѣны не находили.

V.

СЛѢПОЙ ЛЕВЪ.

Былъ Левъ слѣпой; а бышь и значному слѣпымъ
 Дурное право состоянье!
 Давай, хоть не давай Левъ подданнымъ своимъ
 О чемъ какое приказанье;
 Иль правду въ помъ,
 Или въ другомъ
 Не думай Левъ узнать: обманушь былъ кругомъ!

Лиса придетъ и рапортуетъ,
 Что Львовъ запасной дворъ находишь у ней
 Во всей
 Сохранности своей;
 А первая съ двора запаснаго воруетъ,
 Да и другимъ даетъ счесть,
 Чтось не мѣшали ей тащить.

Волкъ пожь бывало Льву наскажеть,
 Когда онъ наловить звѣрей ему прикажеть,
 Чтось ловъ сегодня былъ дурной,
 И попадался звѣрь худой;
 Себѣ же жирной кусъ оставишь,
 А чтось повѣрилъ Левъ, свидѣтелей поспавишь.
 И словемъ: всякъ, кому по должносии дойдеть

Льву донеси о чемъ, что хочешь по нажешь.
Тушь кромѣ воровства и лжи не жди другаго
Ошъ мала до большаго.

Слѣпаго Льва легко обманывашь звѣрямъ,
Такъ какъ иныхъ господъ слугамъ.

VI.

ЛИСИЦА и СОРОКА.

Давно уже тебя мнѣ хочется спросить:
 Что таки ты весь день изволишь говорить?
 Лиса, увидѣвши Сороку, вопрошала.
 Я чаю, есть что переняшь,
 Когда ты станешь разсуждать?—
 „Все, что я говорю, Сорока отвѣчала:
 Ошибся къ тому, чтобъ истину вещей
 Открывъ, другихъ наставилъ въ ней.
 И такъ большимъ моимъ спараньемъ пред-
 услѣла,
 Что я, кого бы ни взяла,
 Отъ Жука до Орла,
 Яснѣ всѣхъ ее изслѣдовать умѣла,
 И полкъ дала.“

Большое, говоритъ Лисица: одолженъе
 Мнѣ было бы пвое услышать наставленъе,
 Когда бы ты не въ прудъ сочла.

Какъ иногда педантъ глубоко изученный,
 Наукой и собой надупъ и зараженный,
 Готовясь преподашь спасительный урокъ,
 Сперва впередъ и взадъ кафедры зашагаетъ,
 И важн) въ носовой свой шелковой плапокъ

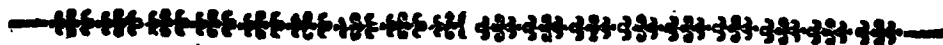
Упрется, и потомъ ужъ слово начинаешъ:
 Такъ точно на суку Сорока повернись,
 И поученіе подашь расположась,
 Сперва впередъ и взадъ съ осанкой выпупала,
 И справа носъ обь сукъ и слѣва подчищала;
 Пошомъ принявъ ученый видъ,
 „Я рада, говоритъ:
 Моимъ дѣлишь дарованьемъ:
 Пусть пользуется всякъ и малой и большой,
 Открытымъ мнѣ познаньемъ.
 Послушай! о тебѣ самой
 Теперь я разсуждала:
 Ты вѣдь чепыре у себя
 Ноги до этихъ поръ считала;
 А не чепыре ихъ! Хоть странно для тебя
 Покажется; но знай, все чпобъ я ни сказала,
 Не доказавъ не оставляла.
 Послушай, чъ сама признаешья тогда:
 Примѣтила ли ты? когда
 Ты спунишь, шо всегда
 Нога твоя въ движеньи;
 Когда же ты стоишь въ покойномъ положеньи,
 То и нога твоя покоишся тогда?
 Но этимъ я еще не все вѣдь доказала;
 А слушай, чпо теперь я буду выводить:
 Всегда, когда тебѣ случается ходить
 То все нога твоя не по землѣ-ль спупаетъ?
 Примѣшь же ты свой хвосць, когда нога шаг-
 нешь,
 То съ нею шожъ и хвосць подаспя швой впе-
 редъ;
 И какъ нога твоя шо шупъ, шо шамъ бывастъ,

То такъ почнехонько и хвостъ швой высту-
паешь;

А изъ того шеперь и можно заключить,
Что хвостъ швой пятою ногою долженъ бышь;
И вошь, на чудное по видимости мнѣше,
При доказательствѣ шобѣ мое рѣшенъе.“

Не образумившись отъ мудрыхъ шоль рѣчей,
Лисица пяшую поджавъ смиренно ногу,
Пошла, и всю дорогу
Твердила: спало бышь не межъ однихъ людей
Чѣмъ кто глупѣе,
Тѣмъ въ доказательствахъ сильнѣе.

VII.

СТРѢЛКА ЧАСОВАЯ.

Когда-то стрѣлка часовая
 На башнѣ городской
 Свои достоинства счисляя,
 Разхваспалась собой,
 И прочимъ часовымъ часпрямъ въ пренебреженъе,
 Не должно-ль, говоритъ: имѣть ко мнѣ почтенъе?
 Всему я городу служу какъ-бы въ законъ;
 Все что ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ:
 По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
 По мнѣ чрезъ колокольный звонъ
 Къ молившѣ даже созываютъ;
 И только часъ я покажу,
 Какъ будшо прикажу.
 Да я жъ спую домовъ всѣхъ выше,
 Весь городъ подо мной;
 Всѣмъ видима и всѣхъ я вижу подъ собой!
 А вы что значите? кто видитъ васъ?—„Поспой!
 Не лзя ли какъ нибудь попише;
 И слово дашь
 И намъ сказать.“
 Другія части ошвѣчали:

„Знай, что когдабъ не мы побою управляли,
Тебя бы ни во что считали;
Важна ты нами, не собой.

И я скажу, но будь по сказано межъ нами,
Что эдакъ и дѣлецъ иной
Чужими чванился дѣлами.

VIII.

О С Е Л Ъ В Ъ У Б О Р Ъ.

Одѣнь невѣжду
 Въ богатую одежду,
 Не сладишь! — И Ослы тогда
 Счишаюшъ, что они большіе господа.

Не помню, право, я по случаю какому,
 Отправиль Левъ Осла
 Къ сосѣду Льву другому
 (Но разумѣется не въ качествѣ посла),
 Къ сосѣду дорогому
 Какіе-то подарки снести.

Посольство отправляшъ у Льва Лисица есть.
 Но хоть подарки несть Осла употребили,
 Однако все его богато нарядили.

Осель

Лишь на уборъ свой посмотрилъ,
 Не вспомнился и взбѣленился:
 Лягаешся и всѣхъ шолкаешъ, давишъ, бьешъ;
 Дороги отъ Осла звѣрямъ и умнымъ нѣшъ.
 Самъ Левъ не шакъ гордился.

Ословъ послушокъ сей

Пропивъ достойнѣйшихъ звѣрей
 Спалъ выше ужъ шерпѣнья.
 Пришлии на Осла Льву подали прошенье.

Левъ, просьбу разсмотря, Осла къ себѣ призывалъ,
Ослу нарядному сказалъ:
„Твое достоинство не чинъ опредѣляешь,
Одинъ уборъ швой
Золотой;
Другихъ звѣрей шаланшь, заслуга опличаешь.“

Уборъ съ Осла онъ снялъ велѣлъ.
Осель достоинства другаго не имѣлъ,
И безъ убора спалъ, какъ прежде былъ.... Осель

IX.

У С Л У Г А.

Во всякомъ случаѣ незнаніе бѣда.
 Счишаешь иногда:
 На что мнѣ суешишься,
 Тому иль этому: учишься?
 Когда-то до меня о помѣ еще дойдешь.—
 Дойдешь ли, или нѣтъ,
 А знанье все-таки годишься.
 Когда же и случится
 Чего не знаешь,
 То лучше въ дѣло не мѣшайся,
 Чѣмъ послѣ со спыдомъ оспашься.

Такъ нѣкшо думая услугу показашь,
 Въ саду взялся праву дурную вырывать;
 Но полку въ правахъ онъ не зная,
 Совсѣмъ прошивную услугу оказалъ:
 Негодную праву за годную считая,
 Ту осшавлялъ въ саду, а эту вырывалъ.

X.

ЛЕВЪ СВАТЪ.

Левъ, сказывали мнѣ, любовницу имѣлъ,
 (Вѣдь занимаются любовными дѣлами,
 Не только межъ людьми, но также межъ скошами)
 И жаръ къ любовницѣ его охолодѣлъ.
 А для того онъ (пожъ, какъ люди поспушаютъ,
 Чшо за другаго съ рукъ любовницу сживаютьъ,
 Когда наскучишия имъ все одну любитьъ)
 Хотѣлъ красавицу, но не безчестно сжитьъ:
 Онъ Барса песираго хотѣлъ на ней женишь.
 Да какъ Левъ ни спарался,
 Женихъ замѣченной никакъ не подавался.
 „Но Левъ бы только приказалъ?“
 Да Левъ ей счастья желалъ;
 А вѣдь любить жену указа не дается.
 И въ случаяхъ такихъ полишика ведешся
 И у звѣрей,
 Какъ у людей.
 Къ тому же дѣло щекопливо,
 Любовницу себѣ въ жены шакою взяшь,
 Котору ищешь самъ любовникъ съ рукъ отдашь.
 А пошому ни чупъ не диво,
 Чшо жениха не могъ невѣстѣ Левъ сыскашь.
 Но свашьбы не хотѣлъ ужъ больше оплагашъ.
 Придворному Ослу онъ прямо предлагаешъ:

Послушай, говоришь: назначилъ я тебя
Любовницы моей супругомъ.

Возьми ее ты за себя;

А я тебѣ дамъ чинъ, и будешь ты мнѣ другомъ.“

Осла, не какъ другихъ, раздумье не берешь.

Осель въ безчестьи не задоренъ;

На предложенье Льва Осель пошчасъ стговоренъ

Сказавъ: хошя, какъ судишь свѣшь,

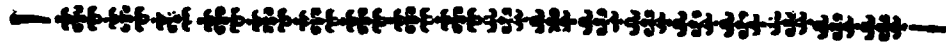
Въ женишьбѣ эдакой большой мнѣ чести нѣшь;

Но милость Львиную она мнѣ принесешъ:

А съ ней шодь знашны роги

На чешвереньбахъ сплошь вѣдь носяшъ и дву-
ноги.

XI.

Д О М Ъ.

Быль домъ, хошя и небольшой,
 Однако же такой,
 Чшо выгодъ хошъ комубъ достало;
 Но какъ любимое людское слово: *мало!*
 (То есть когда берушь,
 А не даюшь)

То малъ и эшошъ домъ хозяину казался;
 И все онъ въ немъ не помѣщался,
 Какъ вдоль и вширь и вверхъ его ни прибавлялъ.
 Домъ наконецъ, не домъ, а цѣлой городъ спалъ.
 И чѣмъ обшириѣе, тѣмъ болѣе смотрѣнья.

Чшобъ не дошелъ до разоренья!
 Сперва шаки его хозяинъ содержалъ;
 Но послѣ собственныхъ ни глазъ, ни иждивенья
 Не спало домъ шакой въ порядкѣ содержать.

Вѣдь одному не раздѣлишься,
 Чшобъ все собой обняшь;
 А на присмотръ другихъ нѣшъ хуже положишься:
 Не видишь глазъ чужой
 Того, чшо видишь свой.

И домъ все вѣпше спановишься:
 Въ шомъ мѣстѣ починашь, въ другомъ;
 А въ десяти валишься!
 Но чшо?—не шолько эшошъ домъ,

И царство Римлянъ пало,
Когда полсвѣшомъ завладало.
И для того, когдабъ пошло на выборъ мой,
Тобъ я охотнѣй согласился
Имѣть исправной домъ, хошя и небольшой,
Чѣмъ замокъ или дворецъ, кошорой бы валился.

XII.

ПЧЕЛА и КУРИЦА.

Съ Пчелою Курица зашѣяла считапьяся,
И говоритъ Пчелѣ: ну, подлинно, Пчела!
Такъ въ праздноспи одной весь вѣкъ свой про-
жила.

Тебѣ бы тѣмъ лишь занимапьяся,
Чтобъ на цвѣпокъ съ цвѣпка лешашь,
Да медь съ нихъ собирапья.

И впрямь о чемъ шебѣ спарашьяся?
Довольно, что лишь мы не въ праздноспи жи-
вемъ,

И въ день по яицу несемъ. —

„Не смѣйся, Курицѣ Пчела на шо сказала:

Что я шебѣ не подражала,

Когда ты всшавъ съ гнѣзда съ надсадою кри-
чишь,

Что ты яйцо снесла и всѣмъ о помъ швердишь;

Такъ ты и заключала,

Что праздно я живу. Нѣтъ, нѣтъ!

Ты ошибаешьяся, мой свѣтъ!

А въ улей загляни; споръ шощасъ нашъ рѣ-
шишьяся;

Узнаешья, кто изъ насъ поболѣ шрудитьяся:

Мы, нашей мапери насшавленны умошья,

Прилѣжностью, прудомъ
Себѣ уютной строимъ домъ,
И пищу со цвѣтовъ собираемъ;
Избытокъ нашъ съ людьми дѣлимъ,
Ихъ ясныя услаждаемъ,
Во шмѣ ихъ освѣщаемъ;
А жало для враговъ и шрушней лишь хранимъ.“

Кого же мы съ Пчелой и съ Курицей сравнимъ?—
Невѣжда и хвасунъ озлился,
Когда съ насѣдкою сравнился;
Такъ шолько ко Пчелѣ науку примѣнимъ.

XIII.

В Д О В А.

Нѣтъ, подно больше согрѣшашъ,
 И говоришь, что женъ такихъ не лзя сыскашь,
 Которы бы мужей любили,
 И ихъ по смерти не забыли.
 Я признаюся, самъ въ шомъ часто согрѣшалъ,
 И легкомыслиемъ полъ нѣжный упрекалъ;
 А нынѣ всякой разъ гошовъ за женъ вспунишься,
 И въ вѣрности къ мужьямъ за нихъ хопъ побо-
 жишься.

Жена
 Лишилася супруга.
 „Лишилася, вопієшь она:
 Тебя я мила друга,
 И полно мнѣ самой на свѣтѣ больше жишь.“
 Жена перзатъся,
 Ни спашъ, ни ѣшь, ни пишь,
 Морить себя и рватъся.
 Чшо ей ни станушь говоришь,
 И какъ ни унимаюшь,
 Чшо въ ушѣшеніе ея ни представляюшь,
 Опвѣшь жены былъ шомъ: „жеспокіе! мнѣль
 жишь,
 Мнѣль жишь, лишася друга мила?“

Нѣтъ, жизнь моя.... могила!“

Отчаяннымъ словамъ

Я былъ свидѣтель самъ.

Вопь мужа какъ жена любила!

Не лзя, казалось, такъ мертваго любить.

Везушь покойника къ погоспу хоронишь,

И опускають ужъ въ могилу;

Жена шуда же къ другу милу....

Но не ужъ ль себя и впрямъ зарышь дала?—

Нѣтъ! сакъ бы за мужемъ чрезъ мѣсяцъ не
была.

XIV.

ПЕРЕПЕЛКА и КРЕСТЬЯНИНЪ.

Прилѣжность и труды въ дѣлахъ употребя,
Къ успѣху лучшая надежда на себя.

Всѣ знаютъ,
Что перепелки гнѣзды вьютъ
За долго передъ шѣмъ, когда поля цвѣшутъ,
А не тогда, какъ хлѣбы посѣваютъ.
Одна оплошнѣе подругъ своихъ была,
Работою отспала;
Гнѣзда во время не свила,
А начала ужъ вить, когда пора прошла,
И въ полѣ жашва посѣвала.

Однако молодыхъ
Кое-какъ вывела своихъ;
Да только выучить лешать ихъ не успѣла.
И дѣшамъ говоритъ:
„Охъ, дѣши! эша рожь бѣдою намъ грозитъ:
Къ несчастью нашему созрѣла.
Однако слушайте: я стану оплешать
Вамъ корму промыслять;
А вы смолчите
Хозяинъ какъ придетъ,
И рѣчь о чемъ ни заведетъ,
Все до послѣдняго мнѣ слова расскажите.“

Пришедъ Хозяинъ между шѣмъ,
 Какъ Перепелка ошлелѣла,
 Да рожь-то, говоришь: со всѣмъ
 Посилѣла.

Пойши было друзьямъ, пріятелямъ сказашь,
 Чшобъ завпра помогли мнѣ эшу рожь пожашь.—

И шушь, помилуй богъ! кака
 Тревога сдѣлалась между перепеляшъ!

Ахъ! мапушка! ахни! кричашь:
 Друзей, пріятелей собирая,
 Рожь хочешъ завпра вдругъ пожашь.

„И!—(говоришь имъ машь)
 Пустое! нѣчего бояшься.

Мы можемъ здѣсь еще покойно оспавашься.

Вопъ вамъ, поѣшьше между шѣмъ,
 И спише эшу ночь, не думавъ ни о чемъ.
 Да завпра только вы смотрите,
 Чшо ни услышите, мнѣ все перескажише.“

Пришелъ Хозяинъ. Ждашь, пождашь: нѣшь ни
 кого!

Вопъ, говоришь: до одного
 Придши всѣ общали,
 А не бывали!

Надѣйся! ну, пойши оняшь
 Теперь родню позвашь,
 Чшобъ завпра эшу рожь пожашь.—

Тревога межъ перепеляшъ,
 И пуше прежняго! Роднѣ своей, кричашь:
 Роднѣ, онъ говорилъ, собираешься!

„Пустое, говоришь имъ машь: родни бояшься!
 Инагобъ не было чего.“—

Пришелъ Хозяинъ, шакъ какъ приходилъ и пре-
жде;

И видитъ, что родни нѣтъ шакже никого.

Въ напрасной, онъ сказалъ: я былъ на нихъ
надеждѣ;

Впредь вѣришь ни роднѣ не спану, ни друзьямъ.

Для своего добра никто шакъ какъ самъ.

Знашь завтра по утру сѣмьею принимаешь

Хлѣбъ эшотъ помаленьку жашь. —

„Ну, дѣши! говоришь услыша эшо мать:

Теперь ужъ нѣчего намъ больше дожидаться.“ —

Тутъ кто поршкомъ,

Кто кувиркомъ,

Ну, поскорѣе убираешься.

XV.

ПОБОРЪ ЛЬВИНОЙ.

Въ числѣ поборовъ шѣхъ, другихъ,
 Не помню, право, я за множествомъ какихъ,
 Определенныхъ Льву съ звѣринаго народа,
 (Такъ какъ крестьяне по душамъ
 Даюшъ оброки господамъ)
 И масло также шло для Львова обихода.
 А сборъ шакой,
 Какъ всякой и другой,
 Имѣлъ приказъ особой свой:
 Звѣрей особыхъ выбирали,
 Чшюбъ должность сборщиковъ при сборѣ опи-
 правляли.
 Великъ ли сборъ шомъ былъ, не удалось узнатьъ;
 А сборщиковъ не мало было!
 Да рѣчь здѣсь не о томъ; мнѣ хочешся сказать,
 Чшо какъ происходило,
 Когда собирали шомъ
 Доходъ.
 Присяжныхъ сборщиковъ часть самая большая,
 Другъ другу жирненькой оброкъ передавая
 Капали въ лапахъ напередъ;
 А масло вѣдь къ сухому льнешъ!
 То потому его не мало

Къ зѣринамъ лапамъ приспавало!
 И шакъ переходя кругомъ,
 Огромный масла комъ
 Сшалъ маленькимъ комкомъ.
 Дея въ эпомъ своего не находилъ разчета
 А Слонь, кошораго призывалъ
 Онъ для совѣта,
 Напрямки его величеству сказала:
 „Гдѣ сборы,
 Тушь и воры;
 И дѣло это шакво:
 Чѣмъ больше сборщиковъ, шѣмъ больше ворон-
 шво.“

XVI.

ЧУЖАЯ БѢДА.

Уже-ль чужой бѣдѣ не должно помогашь?

Мужикъ везъ сѣно продавашь;
Случился косогорь, возъ на бокъ повалился.

Мужикъ ну возъ приподымашь.

И очень долго съ возомъ бился,

Да видишь одному ему не совладашь:

Проѣзжаго къ себѣ на помощь призывашь.—

„Вошь, чоршъ на косогоръ занёсь“

Проѣзжій ошвѣчаешь,

И мимо погоняешь.

Мужикъ вздохнулъ, и всѣ напругши силы, возъ

Кое какъ приподнявъ, съ крушой горы спускаешь.

Спустиль; анъ видишь тупъ съ саньми во рву

лежишь.

Проѣзжій, что ему дашь помощь ошказался

И мимо вскачь промчался.

Теперь же мужику: „ой! помоги“ кричишь.

Мужикъ спокойно проѣзжаешь.

„Знашь врагъ

Занесъ въ оврагъ,

Проѣзжему онъ ошвѣчаешь:

Ты мнѣ не захошѣль помочь;

Лежи жъ и самъ теперъ. Прощай, братъ добра

ночь!“

XVII.

С Т А Т У Я.

Искусной нѣкакой рѣзчикъ,
 Какъ прудъ казался ни великъ,
 Затѣялъ вырѣзать статую,
 Таковую,
 Кошораябъ могла ходить, лежать, сидѣть,
 И слушать и глядѣть,
 И словомъ: чувствива всѣ какъ человѣкъ имѣть.
 Рѣзчикъ Статую начинаетъ,
 Все мастерство свое рѣзчикъ испощеваетъ:
 Статуя движется, статуя говоритъ,
 И человѣческой въ всемъ имѣетъ видъ;
 Но все статуя та не человѣкъ—машина.
 Статуя дѣйствуетъ, коль дѣствуетъ пружина.
 Искусствомъ чувствъ не дашь, когда природныхъ
 нѣтъ.
 Со всемъ тѣмъ къ ней народъ толпами собирался;
 Статуѣ каждой удивлялся;
 Всякъ о ней статуи безъ ума.
 Но съ тѣхъ поръ знать весьма
 Искусство это расплодилось:
 Статуи сихъ множество межъ нами появилось.

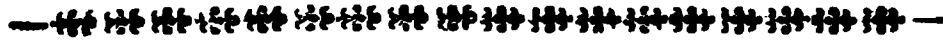

XVIII.

ИМѢНІЕ и ССОРА.

Не вѣсть разбойники, не вѣсть Мурзы какіе,
 Да только люди не просые,
 И двое ихъ всего,
 (То есть: вошь эшихъ только двое,
 А ихъ число со вѣмъ другое)
 Сложились съ шайкой ихъ сосѣда своего
 Вонъ выгнашь изъ владѣнья,
 И раздѣлитъ между собой его.
 Гдѣ между часпныхъ споръ случится о раздѣлѣ,
 Тамъ можно способы черезъ людей найши,
 Кое-какъ ссору развести;
 А въ этомъ спорномъ дѣлѣ,
 Гдѣ всякъ считался самъ большой,
 Чѣмъ споръ рѣшишь какъ не войной?
 Пошла война: дрались, безъ счоту побивали.
 Но какъ лишь бьющихся число,
 Неспорящихся уменьшали,
 То что войну пресѣчь могло?
 Иные ужъ желали,
 Что хоть бы правой проигралъ,
 Лишь толькобъ драшься переснали.
 „Да что? шумъ нѣкто разсуждалъ:
 Хоть двое прешьяго шеперь и одолѣюшь,
 За шожъ имѣніе вдвоемъ войну зашѣюшь.“

XIX.

Б У К В Ы.

Чпо бы ученыхъ опучить
 Въ словахъ смыслъ шайный находить,
 Кошорой въ нихъ они находятъ,
 И сумазбродшвуя, другихъ въ безумство вво-
 дяшь;

Не помню Царь земли какой
 Ихъ шушкой опучилъ шайкой:
 Подъ городомъ однимъ развалины спояли,
 Ошпашки башенъ городскихъ;
 А около лежали
 Обломки ихъ.

На сихъ обломкахъ Царь, ученымъ въ искушенье,
 Изсѣчь по буквѣ приказалъ,
 И будпо древнїя въ развалинахъ сыскалъ,
 Онъ разослалъ ихъ на рѣшенье.
 „Посмотримъ, Царь сказалъ:
 Какое выведутьъ ученые значенье?
 Ужь по-то толки шуть
 Пойдутъ!“—

И подлинно пошли: хлопчуть, разбирающъ,
 Чпобъ шайный смыслъ найши словамъ.
 Разсылка буквъ по всѣмъ землямъ:

Всѣ Академіи къ рѣшенью приглашаютъ;
 И толковъ тысяча идетъ:
 Иной Египетскихъ сокрытыхъ таинствъ свѣтъ
 Тупъ выискалъ; инаго мнѣнье,
 Что тупъ предсказанъ день всемірнаго рушенья;
 Иной въ значеніи ихъ нашель зарытый кладъ;
 И вкось и вкриво всѣ о буквахъ сихъ твердятъ;
 Но мрака древности никто не проникаетъ!

Царь наконецъ, хотѣвъ ихъ глупость обличить
 Всѣмъ приказалъ къ себѣ ученымъ быть,
 И заданныя имъ самъ буквы объясняетъ.
 Весь смыслъ не разрѣшимыхъ словъ
 Былъ шептъ: *здѣсь водою ословъ!*

XX.

П Р И В И Л Л Е Г И Я.

Какой-то Левъ велѣлъ указъ публиковать:
 Что звѣря могутъ всё впередъ безъ опасенья,
 Къто шолько смогъ кого, душишь и обдирашь.—

Что лучше бышь могло такого позволенья
 Для пѣхъ, копорые дерушь и безъ шого?

Указа эшого нигдѣ не шолковали;

Всю силу шопчасъ понимали.

Ужъ шо-шо было пиршество!

И кожу, кшо лишь могъ съ кого,

Похваливають знай указъ, да обдирають.

Душь, душа погнбло шуйць!

Что и считають,

Не сочшуть.

Лисицѣ мудрено однако показалось,

Что дозволеніе такое сосшялось.

Звѣрямъ свободу дашь

Другъ съ друга кожи драшь!

Весьма сомнительнымъ Лисица находила,

И для себя самой и для другихъ шкшовъ.—

„Повывѣдашь бы Льва!“ Лисица говорила.

И Львиное его величештво спросила;

Не шакъ шшобъ прямо — нѣшь! какъ спрашнва-

ють Львовъ:

Полисы; на вѣсы кладя значенъе словъ,
 Все хитроспью, обиняками,
 Придворно гладкими словами:

„Не будешь ли его величеству во вредъ,
 Что хищны звѣри власшь пакую получили?“ —

Но сколько хитрости ея ни понки были,
 Ей Левъ на то въ отвѣтъ
 Ни да, ни нѣтъ.—

Когдажъ по Львову разчисленью
 Указъ ужъ дѣствіе свое довольно взялъ,
 По высочайшему тогда соизволенью
 Левъ всѣмъ звѣрямъ къ себѣ явиться приказалъ.
 Тушь тѣ, которые дородствомъ опличились,
 Домой не воропились.—

„Вошь я чего хошѣлъ, Лисицѣ Левъ сказалъ,
 Когда указъ вамъ далъ.“

Чѣмъ по клочкамъ мнѣ жиръ собирая суешишься,
 Я лучше далъ ему скопишься,
 Чшобъ облегчить мой трудъ.“—

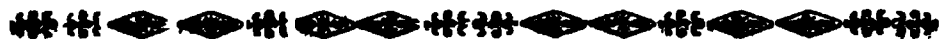
Хошѣла было шуть

Лисица въ возраженъе

Сказашъ свое объ эпшюшь мнѣнъе,
 И изъяснишься Льву о дѣйствіи худомъ;
 Да вобразила по, что говоришь со Львомъ....

И я бы за Пашей опшюдь не заспунился;
 Зажалъ бы какъ Лисица рошъ,
 Когда бы въ Турціи родился,
 Гдѣ иногда Сулшанъ со Льва примѣръ берѣшь.

XXI.

М Е Т А Ф И З И К Ъ,

Ошець одинъ слыхалъ,
 Чшо за море дѣшей учишься посылаюшь,
 И чшо шого, кшо за моремъ бывалъ,
 Опъ небывалаго и съ вида опличаюшь.
 Такъ чшобъ опъ прочихъ не опспашъ,
 Ошець немедленно рѣшился
 Дѣшину за море послашь,
 Чшобъ доброму онъ шамъ понаучился;
 Но сынъ глупѣ ворошился.
 Попался на руки онъ школьнымъ шѣмъ вралямъ,
 Которые съ ума не разъ людей сводили,
 Неисполкуемымъ давая шолкъ вещамъ;
 И Малаго не научили,
 А на вѣкъ дуракомъ пустили.
 Бывало съ глупости онъ попросшу болшалъ;
 Теперъ все свысока безъ шолку шолковалъ.
 Бывало глупые его не понимали;
 А нынѣ разумѣшь и умные не спали.
 Домъ, городъ и весь свѣшъ враньемъ его скучалъ.

 Въ мешафизическомъ бѣснуясь размышленьи,
 О заданномъ одномъ спаринномъ предложеньи:
 Сыскать нагало всѣхъ нагалъ—
 Когда за облака онъ думой возносился,

Дорогой шедши оступился,
 И въ ровъ попалъ.
 Отецъ, которой съ нимъ случился,
 Скорѣ бросилъ веревку привести,
 Премудрость изъ рва на свѣтъ произвѣсти.
 А умной между шѣмъ Дѣшина
 Въ шой ямѣ сидя, разсуждалъ:
 „Какая бытъ могла причина,
 Что оступился я и въ эшопъ ровъ попалъ?
 Причина, кажешся, шому землешприсенъ;
 А въ яму скорое спремленъ,
 Центральное влеченъ,
 Воздушное давленъ.“

Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
 Вотъ, говоритъ: тебѣ веревка! ухватися.
 Я пошщу тебя, держися.—
 „Нѣтъ, погоди шацишь; скажи миѣ напередъ
 (Понесъ Студентъ обычной бредъ)
 Веревка вещь какая?“

Отецъ его былъ неученъ,
 Но разсудителенъ, уменъ;
 Вопросъ ученый оставляя,
 Веревка вещь, ему отвѣшествовалъ: шакая,
 Чшобъ ея вышацишь, кшо въ яму попаденъ.—
 „На эшобъ выдумать орудіе другое“
 Ученый все свое несешъ:
 „А эшо что шакое?...
 Веревка!—верви простое!“—
 Да время надобно! отецъ ему на шо
 А эшо хошь не ново,

Да благо ужь гошово.—

„Да время что?“—

А время вещь такая,

Которую съ глупцомъ не стану я терять.

Сяди, сказалъ отецъ: пока приду опять.—

Что если бы вралей и оспальныхъ собрать,

И въ яму къ этому въ товарищи послать?...

Да яма надобна большая!

XXII.

СОБАКА и МУХИ.

Собака ловить мухъ, однако не поймаешь;
И глупая не разсуждаешь,
Что муха вѣдь лешаешь.—
Лови, собака! то, что сыщешь подь ногой;
Не то, что надь швоей лешаешь головой.

XXIII.

ДУРАКЪ и ТѢНЬ.

Я видѣлъ одного такого дурака,
 Кошорой за своей всегда гонялся тѣнью:
 Хотѣлъ ее поймать; казалось и близка;
 Но бѣганью его, круженью,
 Конца нѣтъ; а поймать не можешь ничего:
 За тѣнью онъ, тѣнь опъ него.—
 Изъ жалости къ нему, что столько онъ тру-
 дился,
 Прохажій дураку велѣлъ остано­виться.
 „Ты хочешь, говоришь ему онъ: тѣнь поймать?
 Да ты надъ ней споишь; а чшобъ ее достать,
 То споишь только наклониться.“
 Такъ нѣкто въ счастья да счастья искалъ.
 Одинъ мудрецъ ему сказалъ:
 Ты счастья ищешь, а не знаешь,
 Что ты гонялся за нимъ, его гоняешь.
 Послушайся меня, и ты его найдешь:
 Остановись своимъ желаньемъ,
 И будь доволенъ состояньемъ,
 Въ кошоромъ ты живешь.

Чужія Басни.

ЛЪВИНОЙ УКАЗЪ.

„Такое-то число и годъ,
 „По силѣ даннаго велѣнья,
 „Рогатой крупной, мѣлкой скопъ
 „Имѣешь изгнанъ бышь изъ лъвинаго владѣнья,
 „И долженъ выходишь потчасъ.“—

Такой отъ Льва звѣрямъ объявленъ былъ указъ;
 И повиновались:

Направился Козель, Бараны въ пушь собирались,
 Олень, и воль, и всѣ рогашые скопы,
 И Заяць по слѣдамъ въ догонку ихъ.—А шы,
 Косой куды?

Кричишь ему Лиса.—„Ахъ! кумушка! бѣды!“
 (Трусливый Зайчикъ пакъ Лисицѣ опзывался,
 А самъ совался,
 И мешался)

„Я видѣлъ шѣнь ушей моихъ;
 Боюсь сочтушь рогами ихъ.
 Ахши! за чѣмъ я здѣсь оспался?
 Опаснѣйшими ихъ рогами обнесушь.“—
 Ума въ шебѣ, косой! не спало: это уши!
 Лисица говоришь.—„Рогами назовушь;
 Пойдушь и уши спруши!“

МАРТЫШКА, ОБОЙДЕННАЯ ПРИ
ПРОИЗВОЖДЕНИИ.

Случилось у Льва въ чины произвожденье.
За службу должно награждатьъ:
Но я хочу сказатьъ,
Что злоупотребленье
И въ скопской службѣ естъ.—
„Ну какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ награжденья?“
(Марышка говоритъ
На Льва разсержена:
Обижена была она
И обойденною считалась)
„Передъ лицомъ служба, Марышкой я осмалась!
Медвѣдь спалъ господинъ,
И Волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ куряшникѣ рядишь.
Случишся же судью шабъ кшапи посадить!
А гдѣ они служили?
Край свѣта, на войнѣ; и то
Не вѣдаешъ еще ни кто,
Что били ли они, или самихъ ихъ били.
А я
Хотя не воинъ,
Хотя и не судья,

The End.

